

Вѣра въ Бога, какъ всеблагаго міропромыслителя и верховнаго міроправителя. (*Опытъ теодицеи въ виду новѣйшихъ антитейстическихъ направленій философской и богословской мысли*).

(Окончаніе) *).

III. Наконецъ, вѣра въ Бога, какъ промыслителя міра, *есть вѣра, какъ мы сказали, по преимуществу жизненно—практическая. Съ философской точки зрѣнія міръ есть система конечнаго измѣнчиваго бытія, а Богъ есть безконечная самосущая причина его; съ научной точки зрѣнія міръ есть система гармонически-дѣйствующихъ силъ и законовъ, а Богъ есть верховное начало міровой гармоніи; съ жизненно-практической же точки зрѣнія міръ есть система существъ, хотящихъ жить и въ жизни вкушать благо и счастье, а Богъ есть для этихъ существъ источникъ, раздаятель всякаго блага, или, что тоже-всеблагій промыслитель. Два первыя положенія мы считаемъ доказанными, остается доказать послѣднее; антитейстическія воззрѣнія, выходящія изъ обѣихъ первыхъ точекъ зрѣнія, мы считаемъ опровергнутыми, остается разсмотрѣть и, если можно, опровергнуть воззрѣніе, выходящее изъ послѣдней—практической точки зрѣнія. Сущность его вкратцѣ можно передать такъ: если бы Богъ промышлялъ о мірѣ, то Онъ заботился бы о его благѣ, и тогда въ мірѣ могло бы быть только одно благо и счастье полное, всецѣлое; поелику

*) См. Февраль, Апрель, Іюль 1874 г.

же этого пѣтъ, послѣдку міръ полонъ всякаго зла и стонеть подъ тяжестью непечислимыхъ бѣдствій, страданій, то очевидно, что онъ въ своей жизни предоставленъ всецѣло самому себѣ, что Богъ вовсе не промышляетъ, не заботится о немъ. Въ такомъ видѣ это воззрѣніе, т. е. когда оно имѣетъ въ виду интересы блага и счастія существъ міра въ ихъ цѣлости, можно назвать безпристрастно-универсалистическимъ, а когда оно беретъ подъ свою защиту исключительно только интересы опредѣленныхъ индивидуумовъ, — узко-эгоистическимъ.

Впрочемъ, собственно говоря, и въ первомъ случаѣ это воззрѣніе имѣетъ не безусловно, а только отчасти универсалистическій характеръ, потому что оно основывается на явленіи зла, бѣдствія не въ жизни всего міра, всѣхъ сферъ его, которыя недоступны для точнаго знанія, но только въ жизни нашей земной планеты. Что зло, бѣдствіе господствуетъ на землѣ вообще и въ человѣческомъ мірѣ въ особенности, это во всей силѣ признавали древнеклассическіе и признають новѣйшіе мыслители. Бѣдствія жизни приводили древне-классическую мысль въ такое отчаяніе, что въ виду ихъ смерть казалась высшимъ благодѣяніемъ: самое лучшее, по мнѣнію Оеогниса, это вовсе не рождаться и не видѣть солнечнаго свѣта, а родившемуся самое лучшее — скорѣе пройти двери смерти и ада и лечь въ могилу; «о смерть! восклицалъ Плу-тархъ, поспѣшай къ намъ вѣрнѣйшій врачъ нашихъ болѣзней, лучшее пристанище въ буряхъ нашихъ скорбей; кажется, говоритъ Плиній, что природа для человѣка есть скорѣе злѣйшая мачиха, чѣмъ добрая мать, потому что изъ ея существъ человѣкъ есть самое несчастнѣйшее. Мы не говоримъ уже о древне-восточныхъ воззрѣніяхъ, персидскомъ напр., которое не только признавало со всею рѣшительностію существованіе зла въ мірѣ, но и объясняло его изъ особеннаго злаго, враждебнаго доброму Богу начала, или объ индійскомъ, въ осо-

бенности же буддійскомъ, по смыслу котораго жизнь вообще и человѣческая въ особенности есть зло въ самомъ корнѣ, есть одна сплошная цѣпь бѣдствій, страданій. Не менѣе рѣшительно признають существованіе зла, бѣдствія въ нашемъ мірѣ и новѣйшіе мыслители. »Все добро, кричите вы плачевнымъ голосомъ, говоритъ Вольтеръ, но весь міръ говоритъ вамъ, что это неправда, а собственное сердце ваше, прежде чѣмъ вы сказали и помыслили это, сто разъ отвергло заблужденіе вашего разума; нѣтъ, пельзя не признать, что зло существуетъ на землѣ«. Въ обширной области живой и одушевленной природы, говоритъ де-Местръ, »господствуетъ явное насиліе, родъ неистовства, вызывающаго всѣ существа на взаимное истребленіе. Уже въ царствѣ растительномъ даетъ чувствовать себя этотъ законъ: отъ исполинской катальпы и до малѣйшей полевой былинки сколько растений гибнетъ отъ того, что ихъ глушатъ и подавляютъ другія растенія! Но когда вы входите въ царство животныхъ, законъ этотъ вдругъ выступаетъ предъ вами съ ужасающею очевидностью. Въ каждомъ изъ великихъ классовъ животнаго царства существуетъ извѣстное число животныхъ, созданныхъ какъ бы для того, чтобъ пожирать другихъ животныхъ: есть насѣкомыя, поядающія насѣкомыхъ, пресмыкающіяся, грозныя для другихъ пресмыкающихся, рыбы, питающіяся рыбами, четвероногіе, пожирающіе четвероногихъ. Нѣтъ мгновенія въ жизни земнаго шара, когда бы живое существо не было пожираемо другимъ подобнымъ. А надъ всѣми этими безчисленными поколѣніями животныхъ возвышается человѣкъ, котораго сильная рука простерта на истребленіе всего живущаго на землѣ: онъ убиваетъ для того, чтобъ утолить свой голодъ, убиваетъ, чтобъ запастись одеждою, убиваетъ, чтобъ имѣть чѣмъ украшать свое тѣло, убиваетъ, нападая и защищаясь, убиваетъ въ интересахъ науки и для забавы, убиваетъ, потому что хочетъ и можетъ убивать;

властелинъ міра надменный и грозный, во всемъ онъ имѣеть нужду и ничто не сильно противостоятъ ему. Но законъ этотъ не отступить ли хотъ предъ человѣкомъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Между тѣмъ, какое же изъ земныхъ существъ должно угрожать жизни того, которое грозитъ жизни всѣхъ ихъ? Оно же само,—человѣку суждено осуществлять этотъ законъ относительно подобныхъ себѣ. Война помогаетъ ему выполнить волю этого закона. Человѣкъ, вдругъ, какъ бы придя въ неистовство, спѣшитъ, порывается на поле битвы, самъ не зная ни чего онъ хотеть, ни что онъ дѣлаетъ, и съ энтузіазмомъ совершаетъ то, чего самъ страшится и отвращается. Такимъ-то образомъ непрестанно отъ червя до человѣка осуществляется въ мірѣ страшный законъ, обрекающій живыя существа на взаимное истребленіе. Вся земля, непрерывно напаяемая кровію, представляетъ какъ бы одинъ необозримый алтарь, на которомъ все живущее должно закалаться до конца, безъ мѣры, безъ пощады». «Не только образованіе міра, говоритъ Гофманъ, по крайней мѣрѣ той части его, которая касается нашей земной планеты, прерывалось сильными, бурными, разрушительными катастрофами, при которыхъ происходила ужасная борьба элементовъ и нерѣдко погибали мучительною смертію милліоны живыхъ и чувствующихъ существъ, но и все органическое твореніе, во всѣхъ своихъ индивидуумахъ обречено на такъ называемую естественную смерть; растительный міръ подверженъ различнымъ поврежденіямъ, неправильнымъ образованіямъ, болѣзнямъ, насильственному разрушенію; животный міръ почти весь безъ исключенія страдаетъ отъ насильственного разрушенія растительной жизни и во многихъ видахъ отъ насильственного прекращенія животной жизни. Даже послѣ того, какъ земля, съ появленіемъ человѣка, вступила въ эпоху относительнаго покоя, разрушенія и опустошенія неорганическихъ и органическихъ образованій продолжаются на всей земной

поверхности, только въ болѣе ограниченной мѣрѣ, и мы видимъ, что человѣкъ уже цѣлыя тысячелѣтія живетъ среди борьбы элементовъ и не только раздѣляетъ общую участь со всѣмъ животнымъ міромъ, но еще болѣе страдаетъ отъ тягостей всей земной жизни. Вообще, чѣмъ выше ступень, которую занимаетъ по своему виду извѣстное земное существо, тѣмъ болѣе оно съ одной стороны способно къ высшимъ радостямъ жизни, а съ другой тѣмъ большимъ подвержено страданіямъ, болѣзнямъ и поврежденіямъ, и такъ какъ человѣкъ составляетъ цѣль и завершеніе земнаго творенія, представляетъ главу и царя всего сотвореннаго на землѣ, то онъ въ тоже время служитъ какъ бы центромъ всѣхъ страданій и болей, которыя составляютъ удѣлъ всего живущаго на землѣ. Еще въ матерней утробѣ его происхожденію угрожаютъ тысячи опасныхъ вліяній, которыя могутъ уничтожить его прежде, чѣмъ онъ появится на свѣтъ, или же заставить его всю жизнь страдать отъ разныхъ поврежденій его организма; онъ рождается менѣе способный помочь себѣ, чѣмъ почти всякое другое животное; съ пробужденіемъ сознанія онъ видитъ постоянно предъ глазами насильственную смерть и нѣтъ ни одного мгновенія, въ которое бы ему не угрожала опасность такой смерти, или по крайней мѣрѣ поврежденія, увѣчья, обезображенія, потери членовъ, тяжелой болѣзни, тяжкаго бѣдствія. Страшна такъ называемая естественная смерть, тѣмъ болѣе, что у миллионовъ людей она сопровождается мучительными, перѣдко ужасными страданіями. Если же обратить вниманіе на множество видовъ насильственной смерти, которая постигаетъ животныхъ и человѣка перѣдко посреди ужаснѣйшихъ обстоятельствъ, то передъ нами раскроется картина, мрачныя тѣни которой располагаютъ душу къ печали, не смотря на то, что разумъ старается показать обратную свѣтлую сторону дѣла и успокоить насъ мыслію о необходимости законовъ природы». «Зло въ мірѣ,

говорить Шопенгауеръ, есть несомнѣнная дѣйствительность; оно колоссально и непрерывно; весь міръ—зло, и родиться въ немъ есть уже само по себѣ несчастіе. Жизнь—это естественная исторія скорби, страданія, потому что это есть война всякаго противъ всего,—междоусобная война, которая будетъ продолжаться съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ вѣроятно долѣ, пока земная оболочка отъ ея ужасовъ не треснетъ и не разлетится въ дребезги. Природа изумляетъ насъ чудесами разрушенія какъ въ животномъ, такъ и въ человѣческомъ царствѣ. Не въ пустыняхъ только новаго міра пышныя растенія съ прекраснѣйшимъ цвѣтомъ дышутъ гнилыми вредоносными миазмами и пьютъ смерть, дающую имъ жизнь; не здѣсь только гигантскіе дубы, обвиваемые винограднымъ плющемъ «задыхаются и умираютъ въ ея объятіяхъ. Не въ Австраліи только одной муравьи пожираютъ другъ друга, и не въ глубинахъ океана только молодыя полипы питаются плотію своихъ предковъ. Человѣческій же міръ превосходитъ все эти ужасы, такъ что ежедневно сбываются слова писанія: «вотъ сѣдающіе людей, какъ люди ѣдятъ хлѣбъ». Въ виду всей этой картины можно ли говорить о Богѣ, какъ всеблагомъ промыслителѣ своихъ тварей? Чѣмъ можно оправдать эту картину, да и нужно ли оправдывать ее, когда она такъ несомнѣнно дѣйствительна? «Пусть скажутъ, говоритъ Лотце, что зло обнаруживается только въ маломъ и исчезаетъ при взглядѣ на великое цѣлое, но къ чему послужитъ такое утѣшеніе? Что выйдетъ, если мы скажемъ наоборотъ: хотя въ цѣломъ и видна гармонія, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что міръ полонъ бѣдствій? Кто оправдываетъ зло какъ средство божественнаго воспитанія, тотъ не думаетъ о страданіяхъ жготнаго міра, и о томъ, сколько духовная жизнь человѣка пострадала отъ различныхъ препятствій, какъ это мы видимъ изъ исторіи; наконецъ тотъ, кто думаетъ такъ, тотъ ограни-

чиваетъ всемогущество Божіе, потому что всякое воспитаніе употребляетъ зло, какъ наказаніе, только въ томъ случаѣ, когда не помогаютъ другія средства, или когда нѣтъ силъ достигнуть воспитательной цѣли какъ либо иначе. Наконецъ, насъ не удовлетворяетъ и тотъ, кто думаетъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что во всякомъ неизбѣжномъ несогласіи между всемогуществомъ Божиимъ и Его благостію онъ долженъ стоять за послѣднюю, кто объясняетъ зло ограниченіемъ свободной творческой дѣятельности Бога, вытекающимъ необходимо изъ вѣчныхъ истинъ. Труднѣе всего доказать, что зло въ мірѣ слѣдуетъ изъ вѣчныхъ истинъ, напротивъ, для всякаго безпристрастнаго взгляда на природу оно зависитъ отъ извѣстнаго устройства дѣйствительности, рядомъ съ которымъ, на основаніи тѣхъ же вѣчныхъ истинъ, возможно и совершенно иное устройство. Если удержать упомянутое раздѣленіе между необходимыми законами и творческою свободою Бога, то безъ сомнѣнія зло надо отнести къ тому, что не должно бы быть, но что создано свободою. Поэтому, если мы немного измѣнимъ приведенныя положенія Лейбница, то выйдетъ слѣдующее: тамъ, гдѣ представляется несогласное противорѣчіе между благостію Бога и Его всемогуществомъ, мы рѣшаемъ, что здѣсь кончается человѣческая мудрость, и что мы не понимаемъ того, во что вѣримъ».

Въ этой аргументаціи Лотце мы имѣемъ наконецъ полную формулировку того возрѣнія, о которомъ у насъ рѣчь: Мало того, здѣсь предупреждены и отвергнуты оба возможныхъ рѣшенія занимающаго насъ вопроса о злѣ—философское и богословское, изъ коихъ первое смотритъ на зло, какъ на метафизическую необходимость, какъ на необходимое условіе, или какъ на неизбѣжную форму тварнаго, ограниченнаго существованія, а второе, рассматривая зло, какъ педагогическое врачевство грѣховнаго человѣческаго міра, тѣмъ самымъ обра-

щастъ его въ явленіе случайное, имѣющее свой послѣдній корень въ области свободной человѣческой дѣятельности. Съ своей стороны мы также не принимаемъ ни того ни другаго рѣшенія исключительно, тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что и то и другое заключаетъ долю истины и даже оба могутъ быть допущены съ извѣстными ограниченіями,—первое преимущественно къ изъясненію зла въ области жизни не свободной, а послѣднее преимущественно къ изъясненію его въ области жизни свободной—человѣческой. Мы вполне согласны съ тѣмъ положеніемъ Лотце, что вторая теорія не достигаетъ своей цѣли, послѣднее не все изъясняетъ, именно не изъясняетъ зла, страданія въ ниже-человѣческомъ, животномъ мірѣ; она достигала бы своей цѣли только тогда, если бы возобновлено было давно павшее представленіе древности о животныхъ, какъ о тождественныхъ съ человѣческими душами, которыя, какъ и люди, несутъ въ тѣлахъ наказаніе за грѣхи прежней жизни, только въ тѣлахъ низшихъ, менѣе совершенныхъ. Но если такъ, если ложно такое представленіе о животныхъ, то на какомъ основаніи мы можемъ требовать для нихъ отъ Бога такихъ же нравственно-свободныхъ отношеній, какихъ желаемъ для себя самихъ? Отчего же, слѣдовательно, мы не можемъ допустить, что зло въ животномъ мірѣ есть дѣло метафизической необходимости, что оно лежитъ въ самой природѣ ихъ, какъ такой? Конечно, такимъ рѣшеніемъ не упычтжаются еще всѣ недоумѣнія, но оно по крайней мѣрѣ не ведетъ къ тѣмъ нелѣпостямъ, которыя необходимо соединяются съ противоположнымъ мнѣніемъ, т. е. съ мнѣніемъ, что не только въ человѣчествѣ, но и въ мірѣ животномъ могло бы и вовсе никакого не быть зла. Въ самомъ дѣлѣ, чего требуетъ это мнѣніе? Для того, чтобы животнымъ чужды были страданія, необходимо, чтобы они всегда жили, чтобы между ними не было вовсе смертности, смертности не только насильственной, но и

естественной, потому что и естественная смерть соединяется иногда съ меньшими страданіями, какъ и насильственная, послѣдняя же бывасть иногда даже легче первой. Но животное можетъ жить только питаясь; посліку же земли даетъ всегда только опредѣленное количество питательныхъ веществъ, между тѣмъ какъ животныя непрерывно размножаются, то для поддержанія ихъ жизни послѣ извѣстнаго періода времени потребовалось бы или совсѣмъ измѣнить всѣ настоящія условія нашей планеты, а съ нею и другихъ планетъ, и на мѣсто ихъ поставить какія либо инныя, коихъ мы и вообразить не можемъ, или же—самихъ животныхъ совершенно пересоздать, отнять напр. у нихъ зубы и желудки, или превратить въ духовъ, чтобъ они не нуждались въ пицѣ, когда ея не станеть. Понятно, само собою, къ чему ведетъ это гаданіе о возможномъ лучшемъ; въ концѣ концовъ оно должно непремѣнно ниспровергнуть все настоящее прекрасное мірозданіе Божіе и на мѣсто его поставить какое либо другое—по чисто-химическое, котораго никто и вообразить не можетъ. Не имѣетъ также никакого достаточнаго основанія и наше преимущественное возмущеніе при видѣ насильственной смертности между животными, при видѣ господствующей между ними войны всѣхъ противъ всѣхъ, губящей ежедневно и ежеминутно цѣлыя милліоны ихъ прежде, чѣмъ они успѣли вдоволь насладиться благомъ жизни, и вытекаетъ это возмущеніе, изъ того, что животныхъ мы мѣримъ своею человѣческою мѣрою, на мѣсто ихъ ставимъ себя самихъ. Намъ больно, при видѣ этого умиранія животныхъ, отъ мысли, что они умираютъ преждевременно, не выполнивъ своей цѣли, но при этомъ забываемъ, что только въ человѣчествѣ индивидуумъ есть нѣчто не могущее и не долженствующее погибнуть, потому что только въ человѣчествѣ индивидуумъ есть нѣчто самородное, на другое совершенно не похожее и никакимъ другимъ поэтому незамѣни-

мое, между тѣмъ какъ въ мірѣ животномъ индивидуумъ есть простой экземпляръ рода, который отъ себя ничего особеннаго не приноситъ въ дѣло рода, и для котораго совершенно все равно умереть раньше или позже, такъ какъ его роль могутъ одинаково выполнить и другіе остающіеся экземпляры. Намъ возмущаетъ это насильственное взаимное самоуничтоженіе животныхъ, потому что оно кажется намъ безправственнымъ, лишеннымъ всякой справедливости; оно, пожалуй, и на самомъ дѣлѣ таково, но какое имѣемъ мы право желать иныхъ, т. е. справедливыхъ нравственныхъ отношеній между животными, когда такіа отношенія для нихъ совершенно невозможны, когда они не имѣютъ и не могутъ имѣть сознанія о правомъ и неправомъ и руководиться имъ въ жизни? Итакъ, намъ ничего болѣе не остается, какъ допустить, что зло, страданіе въ животномъ мірѣ есть необходимость, лежащая частію въ общемъ порядкѣ вещей, частію же въ особомъ, индивидуальномъ принципѣ жизни самихъ животныхъ. И намъ кажется, что этимъ мы вовсе не ограничиваемъ всемогущества Божія, какъ думаетъ Лотце, потому что самое понятіе этого всемогущества мы приобретаемъ только изъ созерцанія данной дѣйствительности, природы и міра, а въ такомъ случаѣ, какое же мы имѣемъ право распространять его за предѣлы этой дѣйствительности, т. е. принимать пустую, даже немыслимую для насъ возможность иначе устроеннаго творенія, или иного дѣйствованія творческой всемогущей силы? Мы называемъ эту творческую силу всемогуществомъ не потому, чтобы она могла производить одинаково и возможное и невозможное, мыслимое и немыслимое, разумное и неразумное, а потому, что она обладаетъ всѣмъ, потому что она есть творецъ всего. Напротивъ, самое это понятіе мы сдѣлали бы немыслимымъ, если бы связали его съ понятіемъ такой свободы, которая, дѣйствуя безъ всякой мѣры, цѣли и намѣренія, была бы по тому самому не свободою, а слѣпымъ

безграничнымъ произволомъ. Развѣ можно представить такое всемогущество, которое могло бы прозвести то, что для насъ не мыслимо, что составляетъ бессмыслицу и противорѣчить само себѣ? А между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ, какъ мы видѣли, именно такъ выходитъ. Только тогда зло въ ниже-человѣческомъ мірѣ было бы отрицаніемъ всемогущества Божія, если бы оно представляло собою явленіе чистаго произвола или чистаго хаоса, но на самомъ дѣлѣ оно вовсе не таково, на самомъ дѣлѣ и въ немъ нельзя не видѣть порядка цѣлесообразности и планосообразности, показывающихъ, что и здѣсь какъ вездѣ всемогущество Божіе дѣйствуетъ не само по себѣ, съ чистымъ произволомъ, но въ связи съ ясно-сознанными цѣлями и планами высочайшаго божественнаго разума. «И мы, говоритъ Ульрици, ежедневно видимъ, какъ могущественныя основныя силы, возбужденныя процессами въ нѣдрахъ неорганической природы, останавливаютъ и разстраиваютъ развитіе организмовъ, угрожаютъ ихъ существованію, приносятъ болѣзнь и смерть, какъ относительно ихъ ни одинъ организмъ не обладаетъ достаточною силою и стойкостью, чтобы оказать сопротивленіе ихъ разрушительному нападенію; но мы имѣемъ возможность утверждать, что при ближайшемъ разсмотрѣніи это кажущееся несоотвѣтствіе показываетъ скорѣе величайшую планосообразность. Разрушительныя вліянія основныхъ силъ и процессовъ, какъ доказало естествознаніе, происходятъ только вслѣдствіе нарушенія ихъ равновѣсія, но эти нарушенія, какъ тоже доказано естествознаніемъ, совершенно необходимы для того, чтобы на землѣ существовали жизнь и движеніе, физическіе, химическіе и органическіе процессы. Безъ нихъ наступило бы совершенное бездѣйствіе, постоянный мертвый покой; безъ нихъ не стало бы всѣхъ условій, при которыхъ только и возможно происхожденіе и существованіе организмовъ и которыми обуславливается вся земная, сотворенная

жизнь; безъ нихъ, стало бытъ, могла бы существовать только безусловная жизнь. Система силъ, уравновѣшенная такимъ образомъ, что бываетъ равновѣсіе нарушеній и возстановленіе равновѣсія, только такая чрезвычайно неуксная система въ состояніи доставить организмамъ условія и средства существованія. И тамъ, гдѣ нарушенія равновѣсія въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаютъ такой высокой степени, что останавливаютъ и разрушаютъ органическую жизнь, даже и тамъ эти нарушенія являются лишь необходимыми предупредительными мѣрами для того, чтобы предотвратить излишнее размноженіе органической жизни и сохранить надлежащую мѣру ея, или служатъ новыми необыкновенными средствами возбужденія, чтобы по крайней мѣрѣ у великихъ организмовъ возбудить силы и дѣятельности, которыя въ противномъ случаѣ остались бы безъ употребленія и развитія. Но въ послѣдней инстанціи они, очевидно, основываются на великомъ принципѣ свободы въ кругу закона необходимости, индивидуализаціи среди типической всеобщности, который, какъ принципъ, проходитъ во всей природѣ и на которомъ основывается все разнообразіе, такъ какъ отъ него зависитъ всякая особенность въ образованіи и организаціи. Только въ системѣ, которая допускаетъ не только нарушенія равновѣсія силъ, но и нарушенія общей мѣры, не уничтожаясь при этомъ сама,—только въ уравновѣщенной такимъ образомъ системѣ дѣйствующихъ силъ можетъ быть выполненъ принципъ свободы и индивидуализаціи, потому что съ одной стороны только въ такой системѣ возможно разнообразіе дѣйствій и взаимодействій между отдѣльными силами, а съ другой только тамъ, гдѣ равновѣсіе ихъ не опредѣлено на каждый разъ, но можетъ быть нарушаемо и измѣняемо, каждая отдѣльная сила можетъ дѣйствовать сообразно своей особенностямъ, каждое отдѣльное существо можетъ дѣйствіемъ своимъ показать себя и свою осо-

бенность и вмѣстѣ, хотя и въ ограниченномъ кругѣ, быть самодѣтельнымъ т. е. свободно дѣйствующимъ. Только такая система оказывается плапо-и-цѣлесообразною, которая представляетъ каждому созданію частію опредѣленный до извѣстной степени широкой просторъ индивидуальнаго образованія и развитія, частію же зависящую отъ его индивидуальности степень его собственной самодѣтельности. И чтобы создать такую систему, очевидно, требуется гораздо болѣе глубокая мудрость, чѣмъ для изобрѣтенія механизма, который, основываясь на совершенномъ равновѣсіи дѣйствующихъ силъ, совершаетъ въ вѣчномъ однообразіи круговращеніе движеній съ такою точностію, что исчезаетъ всякая возможность остановить или разстроить эти движенія. Вообще, планосообразность и цѣлесообразность, господствующія въ природѣ, нельзя измѣрять цѣлесообразностію человѣческаго хотѣнія и дѣйствованія. Человѣкъ долженъ соображаться съ тѣми небогатыми средствами, которыя находятся въ распоряженіи его ограниченныхъ силъ; онъ долженъ стараться достигать цѣли сколько возможно—прямымъ путемъ, чтобы избѣжать лишней затраты времени и силъ. Но кратчайшій путь къ цѣли, простѣйшее средство къ ней представляетъ механизмъ; поэтому, человѣкъ обыкновенно создаетъ, изобрѣтаетъ только машины, такъ какъ въ сущности онъ можетъ и пользоваться только машинами, но не свободно-дѣйствующими силами. Напротивъ, природѣ, или лучше, ея всемогущему виновнику, который хочетъ видѣть не машины, но живой, свободно-дѣятельный и однакоже правильный и находящійся въ порядкѣ міръ и имѣетъ на то неистощимыя силы и средства, нечего бояться кажущейся расточительности, окольныхъ путей, медленности дѣйствія, требующихъ цѣлыхъ тысячелѣтій. Напротивъ, употребленіе такихъ средствъ и путей, которыя для человѣческихъ цѣлей кажутся въ высшей степени не цѣлесообразными, рѣшитель-

но необходимо, если цѣлю при этомъ будетъ образованіе безконечнаго разнообразія болѣе или менѣе свободно, но въ тоже время планосообразно дѣйствующихъ вмѣстѣ силъ и существъ. Чѣмъ больше количество и разнообразіе силъ, дѣйствующихъ другъ на друга, другъ съ другомъ, и другъ противъ друга, чѣмъ больше различныхъ условій жизни, чѣмъ сильнѣе и упорнѣе борьба за существованіе, чѣмъ больше количество разсѣяно жизненныхъ сѣмянъ, тѣмъ богаче, разнообразнѣе, совершеннѣе будетъ развиваться жизнь, съ одной стороны, потому что только посредствомъ разнообразія вліяній и противодѣйствій и вмѣстѣ посредствомъ многосторонняго управленія и направленія могутъ развиваться и укрѣпиться жизненные силы, а съ другой потому что только при большемъ количествѣ зародышей и сѣмянъ вообще возможно какъ чрезвычайное разнообразіе видоизмѣненій или породъ, такъ и всевозможная индивидуализація отдѣльныхъ экземпляровъ, а главное, только при этомъ возможно сохраненіе самого рода. Принципъ всевозможнаго разнообразія, т. е. тотъ принципъ, чтобы рѣшительно вездѣ, гдѣ только при господствующихъ, разнообразно измѣняющихся условіяхъ вообще возможна жизнь, развивалось также соразмѣрное условіямъ количество экземпляровъ органическихъ существъ,—если и положить, что они могли бы происходить и существовать только въ такомъ случаѣ, если бы постоянно погибали не развитыми безконечныя массы ихъ отпрысковъ,—этотъ принципъ составляетъ, безъ сомнѣнія, всеобщій, основной законъ органическаго творенія. Но онъ составляетъ законъ только потому, что представляетъ единственное соотвѣтствующее цѣли средство для произведенія, сохраненія и развитія естественной жизни, то есть условной, являющейся, развивающейся, идущей отъ низшаго къ высшему жизненной силы. Послѣдствія, какія вытекаютъ изъ этого, хотя бы они и казались съ че-

ловѣческой точки зрѣнія крайне нецѣлесообразнымъ, какъ остановки и препятствія, какъ зло и мученія, составляютъ однакоже только послѣдствія самой цѣли, а потому они лучше всего и ведутъ къ достиженію этой цѣли. Вообще, если понимать міръ не пантеистически, но какъ твореніе Божіе, слѣдовательно, какъ отличное отъ него и, по самой сущности своей, условное, относительное, конечное и временное, являющееся, развивающееся, которое есть только то, чѣмъ оно бываетъ и потому только въ концѣ своего развитія можетъ достигнуть возможнаго для него совершенства, то изъ этого слѣдуетъ, что міръ представляетъ необозримо великій процессъ развитія, который повсюду идетъ впередъ отъ несовершеннаго къ совершенному. И если только въ достиженіи цѣли—наивозможнѣйшаго совершенства міровыхъ существъ возможно полное удовлетвореніе, полное чувство наслажденія своимъ существованіемъ, вслѣдствіе полнаго согласія съ самимъ собою и съ цѣлымъ, то изъ этого слѣдуетъ, что на пути къ совершенству чрезъ область еще несовершеннаго, негармоническаго, несоразмѣрнаго именно это несовершенство и должно быть чувствуемо какъ непріятное, какъ зло, какъ страданія и боль. И въ этомъ движеніи къ совершенству условная, ограниченная тварь, которая въ своемъ существованіи и свойствахъ, въ своей жизни и дѣятельности связана съ извѣстными условіями, заключена въ опредѣленные границы, можетъ ли прорвать этотъ кругъ и возвыситься до вышаго, болѣе совершеннаго состоянія, не сдѣлавшись чрезъ это чѣмъ либо существенно другимъ, не испытавъ процесса внутренняго преобразования, который обнаруживается вонѣ какъ смерть, какъ разрушеніе прежней формы бытія? Съ другой стороны, не слѣдуетъ ли изъ самой неистощимой творческой дѣятельности Божіей, что въ постоянно пребывающемъ ряду существъ должно возникнуть наивозможнѣйшее разнообразіе существъ, и

что все, что можетъ получить бытіе, должно имѣть существованіе и жизнь? И не все ли равно для растенія, вянетъ ли оно и умираетъ по законамъ развитія и условіямъ своего бытія, или уничтожается животнымъ? Не все ли равно для животного,—такъ какъ въ царствѣ животныхъ нѣтъ и не можетъ быть закона нравственности, заповѣди любви,—умираетъ ли оно голодною смертію, вслѣдствіе ли старины, или умерщвляетъ другимъ животнымъ, или человѣкомъ, или вслѣдствіе какого либо переворота въ природѣ? Кто можетъ сказать, что тотъ или другой родъ смерти сопровождается большими страданіями, или что вообще страданія животного равны страданіямъ человѣка и похожи на нихъ? Частности въ этомъ случаѣ, т. е. формы и степени страданія, родъ смерти относятся именно къ той области свободы, которую мы, если въ мірѣ условнаго должна существовать жизнь и движеніе и затѣмъ произвольность и самоопредѣленіе, должны были признать необходимою уже въ области неорганической природы, въ способности и склонности элементарныхъ сязъ къ нарушенію равновѣсія, въ принципѣ индивидуализаціи, въ постоянно восходящемъ развитіи самостоятельности и индивидуальности, съ которою растетъ и свобода. Если же и это не удовлетворяетъ нашей пытливости, то мы должны папомнить еще себѣ, что, быть можетъ, въ великомъ процессѣ развитія цѣлаго наша земля представляетъ ступень перваго появленія индивидуальности и свободы, слѣдовательно свободы еще очень несовершенной, подверженной наиболѣе всякимъ злоупотребленіямъ, что быть можетъ вся наша солнечная система занимаетъ низшую ступень въ развитіи всего міра; по крайней мѣрѣ въ самомъ понятіи развитія, восходящаго отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному, лежитъ то, что низшія ступени всегда болѣе несовершенны. *).

*) Богъ и природа т. 2. стр. 66—69; 272—276.

Если же, такимъ образомъ, даже въ нижечеловѣческомъ мірѣ зло, страданіе есть дѣло необходимости лишь въ томъ смыслѣ, что его производятъ сами же силы этого міра вслѣдствіе присущаго имъ стремленія развивать и усовершенствовать индивидуальныя способности, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о мірѣ человѣческомъ. Другими словами, если въ нижечеловѣческомъ мірѣ зло есть результатъ свободы въ собственномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ индивидуальности, то въ человѣческомъ мірѣ оно есть результатъ свободы въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, что касается прежде всего зла такъ называемаго—физическаго, то и оно въ большинствѣ случаевъ является преимущественно дѣломъ человѣческой воли. Больше всего насъ поражаетъ явленіе ежедневнаго умиранія цѣлыхъ милліоновъ человѣческихъ существъ на самой первой порѣ жизни, всего чрезъ часъ, чрезъ день, недѣлю, мѣсяцъ, годъ по рожденіи, но за это мы могли бы упрекать Бога и устроенный имъ порядокъ вещей тогда только, если бы не знали, что въ этой смертности участвуютъ кромѣ внѣчеловѣческихъ и чисто-человѣческія причины—дурной образъ жизни предковъ или самихъ родителей, особенно неосторожность, недосмотръ послѣднихъ. Тяжело видѣть людей, влачащихъ жалкую жизнь отъ рожденія вслѣдствіе того, что родились они хилыми, изуродованными съ зачатками разныхъ недуговъ и болѣзней, но и въ этомъ болѣе всего виновны сами же люди, именно если не родители, то предки этихъ несчастныхъ,—виновны тѣмъ, что неумѣреннымъ, распутнымъ образомъ жизни сначала въ себѣ самихъ развили предположенія къ разнымъ болѣзнямъ, а потомъ не побереглись передать ихъ и своему потомству. Больно смотрѣть на юношей, которые вянутъ и отцвѣтаютъ во цвѣтъ лѣтъ, на мужей, которые дряхлы и едва влачатъ ноги, какъ старики и на стариковъ, которые преждевременно разлагаются, а между тѣмъ

и на лицѣ и во взглядахъ этихъ людей написано, что свое здоровье, блага жизни расточили они сами въ домахъ сластолюбія, пьянства, разврата. Страшна смертность отъ новальныхъ болѣзней, отъ засухи, голода, отъ наводненій, землетрясеній, пожаровъ, бурь, урагановъ, отъ нападенія звѣрей и т. п., но и къ этимъ вѣшнимъ грознымъ опустошительнымъ силамъ примѣшивается всегда немалая доля человѣческаго неблагоразумія, оплошности, неосторожности, непредусмотрительности. Самая страшная, потому что самая опустошительная и насильственная смертность, это смертность въ войнскихъ станахъ, состоящихъ изъ отборнѣйшихъ, обладающихъ избыткомъ здоровья и силъ, людей; но кто же начинаетъ и ведетъ эти войны, какъ не сами же люди? Положимъ, что тутъ играютъ не маловажную роль и такія причины, какъ недостатокъ средствъ жизни, малость пространства при истощившемся почвѣ и размножившемся населеніи, но тогда кто же виновенъ, что люди только извлекаютъ изъ земли ея жизненные силы, не стараясь о вознагражденіи ихъ, или что люди размножаются несоразмѣрно съ вѣчными средствами жизни, потому что браки, обуславливающіе это размноженіе, въ человѣческомъ мірѣ не изъ одного же только неодолимаго инстинкта устроиться, какъ въ мірѣ животномъ, но и по свободному выбору и желанію. А сколько войнъ возникаетъ изъ причинъ, совершенно не похожихъ на эти, изъ задытого высокоумія и самолюбія, изъ интригъ, изъ одной страсти къ воинской славѣ, изъ одного желанія имѣть много владѣній, хотя бы эти владѣнія не окупались пожертвованными для пріобрѣтенія ихъ десятками и сотнями тысячъ человѣческихъ жизней, милліонами и милліардами денежныхъ суммъ! Неужели и въ этихъ войнахъ виновенъ кто либо иной, а не самые люди? Если же отъ физическихъ страданій человѣчества перейдемъ къ духовнымъ, то найдемъ, что эти страданія не

только всегда дѣлю челоуѣческой свободы, но и въ большинствѣ случаевъ результатъ чистаго вымысла. Впрочемъ, можно сказать, что даже физическія страданія суть въ извѣстной степени дѣлю нашего собственнаго вымысла, не въ томъ смыслѣ, что такихъ страданій въ дѣйствительности не существуетъ, но въ томъ, что степень силы и глубины вліянія ихъ на нашу душу зависитъ сколько отъ обыкновенной ихъ тяжести, столько же и отъ нашей субъективной воспріимчивости, отъ того, преувеличиваемъ ли мы своимъ воображеніемъ эту тяжесть и позволяемъ ей всецѣло подавить насъ, или же пре-возмогаемъ ее сосредоточеніемъ противъ нея всѣхъ силъ нашего духа. Въ этомъ то смыслѣ мы должны признать справедливою и такъ называемую *героническую* и *историческую* теодицею, которая утверждается на положеніи: для мудреца нѣтъ зла, нѣтъ страданія. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія знаетъ много примѣровъ спокойствія, благодушія среди разныхъ жизненныхъ неудачъ, среди самыхъ тяжелыхъ потерь, среди страданій отъ тяжкихъ болѣзней и среди страданій, намѣренію причиняемыхъ людьми же, въ разныхъ пыткахъ и мукахъ смерти, среди страданій въ смрадныхъ тюрьмахъ, въ тяжкихъ узахъ, на дыбахъ, на крестахъ, на колахъ, на колесахъ, на кострахъ, то значить, что эта способность духа сосредоточиваться въ себѣ, и, если не вполне уничтожать, то по крайней мѣрѣ значительно заглушать и ослабить чувство физической боли, принадлежит и вообще челоуѣку, какъ духовному существу, что слѣдовательно и всякій челоуѣкъ обладаетъ въ этой способности возможностью побѣжденія бѣдствій и страданій, если же не пользуется ею, то является въ извѣстной степени и самъ виною своихъ страданій т. е. собственною виною того изника тяжести ихъ, который бы онъ могъ уничтожить силою духа. Вотъ въ какомъ смыслѣ можно смотрѣть отчасти и на физическія страданія, какъ на созидатель-

емыя и сочиняемыя самимъ же человѣкомъ. Но уже въ буквальномъ смыслѣ таковы болѣею частію духовныя страданія. Ложна скорбь торговца и ростовщика, получающаго вмѣсто 50 только 20 процентовъ, потому что и 20 то очень достаточно; ложна скорбь честолюбца, получающаго вмѣсто высшаго низшій чинъ или орденъ и властолюбца, получающаго вмѣсто высшаго низшее мѣсто, потому что отличный человѣкъ можетъ быть такимъ и безъ вывѣсокъ отличія и дѣльный можетъ найти достаточно дѣла и на всякомъ мѣстѣ; ложна скорбь, вытекающая изъ неосуществимаго желанія сравняться съ другими, а то и превзойти многихъ щегольствомъ одежды, богатствомъ всей домашней обстановки и т. д., ложны вообще все тѣ скорби, которыя вытекаютъ изъ желаній возможно наибольшихъ удовольствій, возможно разнообразнѣйшихъ благъ, желаній, которыя чѣмъ болѣе удовлетворяются, тѣмъ болѣе разжигаются, тѣмъ болѣе пустоту оставляютъ по удовлетвореніи и тѣмъ болѣе возбуждаютъ скорбь, если наконецъ оказывается уже невозможнымъ удовлетвореніе. Изъ духовныхъ скорбей только одну можно признать не фальшивую, не сочиненную, а истинною, это именно нашу скорбь нравственную, скорбь о злѣ, лежащемъ и царствующемъ какъ въ насъ самихъ, такъ и во всемъ человѣческомъ мірѣ. Но кто же виновникъ и этой скорби, кто или что причина возбуждающаго эту скорбь зла уже не физическаго, но нравственнаго? Это зло есть ли коренная и существенная принадлежность природы человѣческой, или же случайное въ ней явленіе? Зло ли человѣкъ отъ созданія, которое было не въ его волѣ, или же онъ сталъ такимъ отъ собственнаго желанія и свободнаго рѣшенія?

Здѣсь мы уже со всюю рѣшительностію становимся на сторонѣ богословской теоріи, утверждающей послѣднее и отвергаемъ теорію философскую, утверждающую первое. Мы

отвергаемъ эту теорію даже въ томъ, повидимому безобидномъ для религіознаго чувства видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ ее у Лейбница и Штейнмахера, т. е. въ видѣ ученія, что зло въ сущности есть только имѣющее различныя степени отсутствія совершенства или просто ограниченность человѣка въ добрѣ, и что такое зло мыслить сотвореннымъ самимъ Богомъ можно безъ всякаго противорѣчія идеѣ Его всемогущества и благодати, поелику это значить ни болѣе ни менѣе, какъ то, что Богъ не восхотѣлъ и не могъ создать въ человѣкѣ равнаго себѣ совершеннѣйшаго существа, а создалъ только несовершенное или ограниченное существо. Мы отвергаемъ даже это ученіе, потому что противъ такого понятія о нравственномъ злѣ говоритъ нашъ собственный внутренній опытъ, потому что непонятно, за что именно такъ строго судила бы наша совѣсть всѣ грѣхи наши, если бы они были ни болѣе ни менѣе, какъ различныя степени добра, или неизбѣжныя послѣдствія нашей ограниченности. Этотъ фактъ—всеобщій фактъ—ясно показываетъ, что въ каждомъ проступкѣ своемъ мы видимъ вовсе не степенное только добро, или произвольное дѣло нашей ограниченности, но именно свободное отрицаніе добра, намѣренное нарушеніе его требованій. Если же такъ, если зло есть противоположность добра, отрицаніе его, то мыслить, что Богъ самъ непосредственно предопредѣлилъ, ввелъ его въ систему міра, будетъ не только безуміемъ сердца, но и явнымъ логическимъ и метафизическимъ противорѣчіемъ, по которому выходитъ, что Богъ, высочайшее Добро въ своемъ мірѣ Самъ же Себя отрицаетъ,] полагая въ немъ свою противоположность—нравственное зло. Тѣмъ болѣе неизбѣженъ такой же выводъ для теоріи, утверждающей, что человѣкъ созданъ съ элементомъ положительнаго радикальнаго зла, съ положительною склонностію въ зло (Кантъ), и эту теорію мы отвергаемъ тѣмъ рѣшительнѣе, что она еще

менѣе предвидущей оправдывается опытомъ. Это радикальное зло видятъ въ тѣлѣ или въ низшихъ чувственныхъ влеченіяхъ нашей природы, которыя задерживаютъ и извращаютъ высшія и лучшія стремленія нашего духа, забывая, что совершенно наоборотъ чувственныя влеченія дурныя и извращаютъ самодѣятельность духа не сами по себѣ, но становятся дурными именно вълѣдствіе того, что имъ даетъ дурное, превратное направленіе свободная воля духа. Чувственныя влеченія и склонности сами по себѣ если не добры, то по крайней мѣрѣ нравственно безразличны, если же они становятся дурными, то это только тогда, когда получаютъ ложное, дурное направленіе. Всякій грѣхъ, если прослѣдить его до послѣдняго источника, состоитъ именно въ извращеніи какого либо натурального инстинкта, который самъ по себѣ не только невиненъ, но и существенно важенъ для блага человѣка. Безпристрастный анализъ можетъ открыть въ гордости самоуваженіе, въ тщеславіи почтеніе къ другимъ, въ скупости благоразуміе, правду въ мнѣніи, любовь въ страсти. Чувственность, неуѣренность, себялюбіе что иное, какъ не извращенный инстинктъ самосохраненія? Безчестное падушество есть извращенная потребность жизненнаго обезпеченія, лѣнь есть извращенная осторожность, даже лѣнь, которую по видимому трудноѣ всего связать съ какою либо доброю стороною нашей природы и которую Лафатеръ считаетъ первороднымъ грѣхомъ, вѣроятно и есть не что иное, какъ извращенная любовь къ свободѣ. Притомъ же, опыты говорятъ, что одно и тоже чувственное влеченіе у одного переходитъ въ порокъ, между тѣмъ какъ у другого обращается въ добродѣтель, а это значитъ, что добро и зло лежатъ не въ самихъ этихъ влеченіяхъ, а въ той силѣ, которая даетъ имъ такое или другое направленіе, удерживаетъ ихъ въ границахъ должнаго, или же позволяетъ имъ переступить эти границы,

т. е. въ свободной волѣ человека. Мы не отрицаемъ, напротивъ рѣшительно признаемъ присутствіе во всякомъ изъ насъ радикальнаго зла, или того чувственнаго человека, который ведетъ постоянную борьбу съ нашимъ духовнымъ человекомъ, но если на основаніи сказаннаго это радикальное зло, этотъ чувственный человекъ можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ пресрпатномъ направленіи силъ и влеченій нашей природы, то понятно, что по крайней мѣрѣ первое извращеніе этихъ силъ и влеченій какимъ образомъ не можетъ быть мыслимо безъ участія человѣческой воли, чисто прирожденнымъ нашей природѣ, безъ ея вѣдома сотвореннымъ. Если мы даже въ настоящемъ состояніи радикальнаго зла, радикальнаго извращенія нашей природы имѣемъ передъ собою длинную исторію развитія, испытываемъ мученія совѣсти послѣ всякаго дурнаго дѣла, т. е. сознаемъ, что присущее намъ радикальное зло не съ абсолютною необходимостію производить эти дурныя дѣла, но всегда съ участіемъ согласія нашей собственной воли, то уже абсолютно такъ должно быть тамъ, гдѣ вовсе не можетъ быть рѣчи о готовомъ, унаслѣдованномъ злѣ, гдѣ дѣло идетъ о самомъ первомъ радикально неправильномъ поворотѣ нашей природѣ, о самомъ первомъ явленіи грѣха; первый грѣхъ, поэтому, долженъ быть мыслимъ въ абсолютномъ смыслѣ дѣломъ человѣческаго свободного рѣшенія, человѣческой свободной воли. Въ виду этого неизбежнаго вывода, можно, конечно, идти еще далѣе и утверждать, что зло сотворено по крайней мѣрѣ потенціально, именно въ самой же свободной человѣческой волѣ, которая по тому самому, что свободная иначала заключала въ себѣ потенцію зла. Мы не отрицаемъ, что съ идеею свободы сотвореннаго существа неразлучна въ представленіи разума идея возможности зла. Въ самомъ дѣлѣ, существо, которое бы, бывъ поставлено предъ лицомъ закона, лишено было всякой возможно-

сти исполнить законъ или нарушить его, существо такъ организованное не было бы свободнымъ. Однакоже эта возможность возстанія противъ закона со стороны твари, созданной свободною и призванной, въ силу своей свободы осуществить законъ, совсѣмъ не то, что реальная потенція зла, потому что такая потенція можетъ произойти только отъ зла же, а между тѣмъ источникъ человеческой свободы—добро,—самъ Богъ; эта возможность вовсе не есть, даже въ самой малѣйшей степени, осуществленіе зла, потому что такое осуществленіе совершенно немислимо безъ дѣйствительнаго участія свободной воли, и допустить такое осуществленіе изначала, или до дѣйствительнаго обнаруженія этой воли, значитъ тоже, что отрицать ея свободу. Эта возможность, очевидно, относится только къ человеческой волѣ, которая въ тотъ или другой моментъ могла и въ дѣйствительности осуществить эту возможность, восхотѣть зла, избрать и совершить его, но никакимъ образомъ не относится къ абсолютной доброй волѣ божественной, которая, какъ такая, въ моментъ созданія ограниченной воли человеческой, могла хотѣть для нея только добра и поставила закономъ ея одно добро, но не и зло вмѣстѣ. Остается, такимъ образомъ, только одно—признать зломъ саму свободу человеческой воли, такъ какъ зло могло стать дѣйствительною единственно только вслѣдствіе ея собственнаго свободнаго рѣшенія дѣлать зло. Но есть ли свобода зло сама въ себѣ? «Она болѣе чѣмъ добро, скажемъ словами одного замѣчательнаго современнаго апологета (Э. Навиля), она есть то, чѣмъ обусловлена возможность всякаго добра, ибо она есть условіе бытія существъ, призванныхъ осуществлять добро. Должны ли мы вѣнчать Творцу въ вину то, что онъ создалъ во вселенной для добра и блаженства духовно-правственные силы т. е. существа разумныя и свободныя?» «Человѣкъ, говоритъ Руссо, есть свободный дѣятель, дѣйствующий

цій отъ себя самого, и потому все, что ни дѣлаетъ онъ свободно, не можетъ входить въ систему непосредственныхъ опредѣленій Провидѣнія и не можетъ быть вмѣняемо Богу. Творецъ вовсе не хочетъ зла, которое человекъ дѣлаетъ, злоупотребляя данною ему свободой. Онъ сотворилъ человека, чтобъ онъ могъ дѣлать добро, а не зло по свободному выбору. Роптать, что Богъ не отвратилъ его отъ зла значитъ роптать на то, что Онъ далъ ему превосходящую предъ другими существами природу, соединилъ съ его дѣйствіями облагораживающій ихъ нравственный характеръ, надѣлилъ его преимуществомъ добродѣтели. Что же, узели изъ за того, чтобъ воспренятствовать человеку быть злымъ, подлежало все въ его природѣ свести къ инстинкту и создать его не человекомъ, а животнымъ? Нѣтъ, Творецъ души моей, я никогда не дерзну вмѣнить Тебѣ въ преступленіе, что Ты создалъ ее по своему образу на тотъ конецъ, чтобъ и я подобно Тебѣ могъ быть свободнымъ, добрымъ и блаженнымъ». Но, продолжаютъ возражать, если Богъ предпочитилъ человека предъ всѣми остальными существами міра даромъ свободы, то отчего же Онъ не создалъ этой свободы на столько совершенною, чтобъ для нея возможно было только добро, чтобъ она совсѣмъ неспособна была дѣлать зло? Требованіе, очевидно, противорѣчащее и понятію свободы и понятію ея совершенства! Требовать, чтобы то или другое совершенное существо поставлено было какимъ бы то ни было образомъ въ невозможность избирать и дѣлать зло значитъ требовать, чтобы оно было не свободнымъ, потому что только одна существуетъ воля, которая по самой природѣ своей неразлучна съ добромъ и тождественная съ нимъ, между тѣмъ какъ для воли сотворенной добро есть не природа, а задача, долгъ, отъ которыхъ по своей свободѣ она можетъ и уклониться. Богъ не могъ для этой цѣли и надѣлать ее готовымъ достаточнымъ прав-

ственнымъ совершенствомъ, потому что это совершенство, по самому существу своему, есть свободно приобретенное волеопредѣленіе, слѣдовательно нѣчто такое, что безусловно не можетъ быть дано человѣку въ готовомъ видѣ ни отъ природы, ни отъ Бога. Богъ не могъ создать не только вполне совершенную личность, но и просто личности готовой дѣйствительной, по той простой причинѣ, что личность есть то, что не другимъ кѣмъ, или чѣмъ либо въ насъ полагается безъ всякаго со стороны нашей участія, но что мы сами самодѣятельно полагаемъ: Богомъ могли быть положены только задатки личности, безъ которыхъ невозможна и личность, но осуществленіе этихъ задатковъ и развитіе ихъ въ дѣйствительную нравственно зрѣлую и совершенную личность могло быть только дѣломъ самостоятельнаго развитія человѣка. Слѣдовательно, первобытнымъ состояніемъ духовно-нравственнаго существа могло быть состояніе свободной самодѣятельности съ печатью не полного совершенства, а только полной чистоты и невинности. Рай невинности долженствовалъ быть не только хранимъ, но и воздѣлываемъ самодѣятельностію свободной воли, неуклоннымъ выполненіемъ данного ей нравственнаго закона; если же, вмѣсто того, послѣдовало противное, произошло нарушеніе божественнаго закона, явилось зло въ человѣкѣ, то виною этому была самодѣятельность той же человѣческой свободной воли, но никакъ не воли Божіей, заповѣдавшей ей только добро, хотѣвшей и ожидавшей отъ нея только добра же.

Но если, такимъ образомъ первое явленіе перваго нравственнаго зла въ мірѣ не можетъ быть основаніемъ для отрицанія всемогущества Творца міра, то еще меньше дальнейшая исторія этого зла можетъ служить основаніемъ для сомнѣнія въ благодѣи и правдѣ Промыслителя и Правителя

міра. Только тогда человѣческая исторія могла бы быть достаточнымъ основаніемъ для такого сомнѣнія, еслибъ она и въ дѣйствительности была сколько нибудь похожа на то, чѣмъ можно бы ее представить, вообразить, что миллионы дѣйствующихъ въ ней свободныхъ силъ, все вмѣстѣ однажды принявъ злое, т. е., противное общему закону и порядку направленіе, могутъ и продолжать дѣйствовать въ этомъ же направленіи. Это вышло бы нѣчто, превосходящее всякое описаніе и воображеніе, нѣчто гораздо болѣе ужасное, чѣмъ персидская борьба злыхъ духовъ съ добрыми или греческая титаномахія, потому что это былъ бы чистѣйшій хаосъ, ужаснѣйшее свѣтопреставленіе. Однако же ничего подобнаго въ исторіи не бываетъ. Бываютъ, конечно, въ ней, даже чаще, чѣмъ въ нивечеловѣческой сферѣ нарушенія равновѣсія дѣйствующихъ силъ, но эти нарушенія если и производятъ нѣчто хаотическое, то это только на нѣсколько моментовъ, послѣ которыхъ обыкновенно наступаетъ порядокъ, лучшій и совершеннѣйшій прежняго. Уже это показываетъ, что человѣческія свободныя силы въ своемъ историческомъ дѣйствованіи не предоставлены исключительно самимъ себѣ, но стоятъ подъ властію одной высшей силы, которая наблюдаетъ за ихъ равновѣсіемъ, порядкомъ и слѣдовательно благомъ. Конечно, въ человѣчествѣ господствуетъ зло, и господство его широко и сильно, но все же оно не такъ всецѣльно и всеобъемлюще, какъ иногда его представляютъ. То правда, что исторія представляетъ для наблюдателя зрѣлище иногда очень безотрадное и производитъ впечатлѣніе иногда слишкомъ тяжелое: въ теченіе цѣлыхъ періодовъ иногда видишь одинъ непроницаемый мракъ суеты и заблужденій, одну зѣбскую грубость нравовъ и силовитую цѣнь преступленій самыхъ ужасныхъ—вѣроломства, измѣны, грабежа, насилія, убійства, самоубійства, цѣлае бушующее море разнузданныхъ страстей личныхъ, ро-

довыхъ, сословныхъ, народныхъ, рядъ кровавыхъ распрей, усобицъ, войнъ. Потомъ, и дневному любопытству нашему какія больше всего приносятся вѣсти?—Вѣсти о насиліяхъ, грабежахъ, кражахъ, убійствахъ, обманахъ, измѣнахъ и прочихъ человѣческихъ скандалахъ. Все это такъ; только изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, что и вся исторія, вся жизнь человѣческая есть «сплошный непрерывный скандалъ», какъ утверждаетъ Реванъ. Намъ кажется—напротивъ. Одно то обстоятельство, что подобныя вещи никогда и нигдѣ не проходятъ не замѣченными общимъ вниманіемъ, показываетъ, что среда, въ которой происходили и происходятъ подобные скандалы, далеко не вся испорчена и тѣмъ менѣе испорчена до мозга и костей; это значитъ, что и въ самыя темныя эпохи скандалъ и преступленіе были не общими явленіями, а исключительными, частыми, но не постоянными, что норма правильной жизни все-таки преобладала, а они были нарушеніями ея. Притомъ, исторія большею частію выставляетъ на видъ съ одной стороны коллосально-блестящіе подвиги и добродѣтели, съ другой поразительно-гадкіе и низкіе пороки и злодѣянія—тѣ и другіе подъ счетомъ, середина же въ ней, гдѣ нѣтъ ни великихъ подвиговъ, ни выдающихся пороковъ, т. е. гдѣ осуществляется общая, по понятіямъ времени правильная норма жизни, остается всегда не замѣченною, а этимъ ясно дается знать, что тутъ все пло если не изрядно, то все же хорошо и сносно. Но въ этой срединѣ, не слѣдуетъ забывать, объ крайности исчезаютъ почти какъ капля въ морѣ, а это значитъ, что область добра все таки много шире, чѣмъ область зла. Будучи вовсе не такъ широкимъ, какъ полагаютъ, зло вмѣстѣ съ тѣмъ и не прогрессируетъ въ человѣческой исторіи, какъ утверждаютъ. Можно, конечно, фантазією изъ дикаго состоянія первобытныхъ племенъ сдѣлать потерянный рай, дальѣйшую же исторію человѣчества трактовать, какъ про-

грессивное извращеніе этого райскаго состоянія и приумноженіе всякихъ возможныхъ золъ (Руссо); но если, вмѣсто фантазій, обратиться къ трезвой исторіи, то она скажетъ и докажетъ намъ, что чѣмъ дальше живетъ человѣчество, тѣмъ меньше становится въ головѣ его тьмы и больше свѣта, тѣмъ меньше его свободная воля гнется подъ силами природы, тѣмъ шире становится власть его надъ нею, и тѣмъ больше, значитъ, расширяются удобства его жизни, тѣмъ тоньше съ тѣмъ вмѣстѣ становятся формы его жизни и все въ ней взаимоотношенія, тѣмъ больше внимательности въ надзорѣ за людскими дѣлами, тѣмъ больше правды и строгости въ судахъ, и однакожъ тѣмъ мягче и легче становятся наказанія—признакъ, что тѣмъ менѣе грубы становятся самыя преступленія, тѣмъ удобнѣе и шире становится сфера для всякаго добраго дѣла, тѣмъ уже и труднѣе она для всякихъ безпорядковъ. Это значитъ, что зло, вмѣсто того чтобъ постепенно прогрессировать и расширяться, утихаетъ, сокращается, уступаетъ мѣсто добру, которое напротивъ болѣе и болѣе утверждаетъ и расширяетъ свое господство въ мірѣ; это значитъ, скажемъ словами Гердера, что «все въ мірѣ идетъ въ ширину, все болѣе и болѣе становясь зрѣлищемъ руководящей мысли, зрѣлищемъ Божества».

Какъ можно представлять это руководство божественнаго провидѣнія въ человѣческой исторіи, это мы уже видѣли, теперь мы скажемъ, что къ числу средствъ, которыми провидѣніе способствуетъ этому постоянному усовершенствованію человѣчества, производить это постепенное ослабленіе и сокращеніе господства нравственнаго зла въ мірѣ, относятся и все тѣ явленія, которыя мы обозначили общимъ именемъ зла физическаго, и которыхъ мы не могли изъяснить вполнѣ ни изъ необходимаго міроваго порядка, ни изъ свободы человѣка.

Теперь же они легко изъясняются частью съ точки зрѣнія свободы человѣка, какъ свободы введшей и поддерживающей грѣхъ въ мірѣ, частью съ точки зрѣнія необходимаго міроваго порядка и собственно съ точки зрѣнія божественнаго providѣнія. Такъ какъ всякій грѣхъ вытекаетъ прежде всего изъ внутренняго безпорядочнаго движенія воли и состоитъ въ нарушении внутренней гармоніи духовныхъ силъ, то эта безпорядочность, эта дисгармонія должна необходимо и чувствоваться внутренне какъ безпорядочность, какъ дисгармонія, должна сопровождаться чувствомъ извѣстной боли; отсюда объясняются всѣ такъ называемыя внутреннія или нравственныя страданія, которые такимъ образомъ составляютъ въ насъ же самихъ лежащую границу или сдержку грѣха. Когда же грѣхъ переходитъ во внѣшнее дѣло, осуществляется во внѣшнемъ мірѣ, тогда онъ становится необходимо нарушеніемъ и порядка этого міра; поелику же этотъ порядокъ существуетъ не мертвымъ тѣмъ либо, но живыми, дѣятельными силами и существами, то понятно, что всякое нарушеніе его не можетъ обойтись безъ борьбы съ этими силами и существами, и что эта борьба уже потому не можетъ обойтись для человѣка безъ боли и страданій, что вести ее онъ можетъ только орудіями собственнаго тѣла, сила и благобытіе котораго всецѣло зависитъ именно отъ мирнаго гармоническаго взаимодействія съ внѣшними силами; отсюда протѣкаютъ всѣ такъ называемыя физическія страданія, на которыя поэтому можно смотрѣть какъ на границу и сдержку грѣха, лежащую въ необходимомъ порядкѣ самого чувственнаго міра. Наконецъ, грѣхъ, какъ нарушеніе воли Божіей и божественнаго плана міра, болѣе всего долженъ встрѣтить противодѣйствія со стороны Бога; на Бога прежде и болѣе всего должна лежать забота ограничивать, сдерживать развитіе грѣха въ мірѣ. Но если мы видимъ, что такою границею и сдержкою служатъ

между прочимъ бѣдствій и страданій грѣховнаго человѣчества, то почему мы не можемъ допустить, что эти бѣдствія и страданія поражаютъ человѣчество именно по волѣ Божіей съ цѣлю ограничить господство грѣха въ мірѣ? Здѣсь, такимъ образомъ мы имѣемъ уже право смотрѣть на страданія, которымъ подвержено человѣчество не какъ на зло, но скорѣе какъ на благо, но крайней мѣрѣ какъ на отрицательное благо, именно какъ средство, употребляемое провидѣніемъ частію чтобы предостеречь насъ отъ грѣха, частію чтобы уврачевать его, частію же просто наказати: «Страданіе, говоритъ !). Навиль, есть во 1-хъ предостереженіе. Еслибы, будучи больны, вы могли нести въ себѣ болѣзнь не чувствуя, не имѣли бы малѣйшаго представленія объ удручающемъ васъ злѣ, вы не искали бы и средствъ къ уврачеванію себя. Точно такъ когда общество—это великое и многосложное тѣло испытываетъ какія либо страданія въ своей организмѣ, наиболѣе ощутимыя для него, оно, извѣщенное тѣмъ самымъ объ опасности своего положенія, естественнѣе опредѣлитъ въ себѣ мѣсто, гдѣ коренится болѣзнь и къ найденной ранѣ приложитъ одно изъ тѣхъ врачеваній, которыя на языкѣ политики зовутся реформами. Страданіе во 2-хъ есть врачевство. Начиная отъ ампутаціи пораженнаго воспаленіемъ члена вашего организма, спасающей иногда вамъ жизнь, и оканчивая тою катастрофою, которая бы, внезапно застигнувъ васъ на пути грѣха и порока, сильна была возбудить васъ отъ самозабвенія,—страданіе вообще имѣетъ важное по своимъ послѣдствіямъ въ жизни, и едвали кто затруднится сказать съ Фенелономъ: «справедливо ли зломъ называть бѣдствія, которыя намъ посылаетъ Богъ, чтобы нравственно очистить насъ и сдѣлать достойными Его любви и милосердія». Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что самыя страшныя общественныя бѣдствія бываютъ для людей самыми благотворными въ нравственномъ отноше-

ний. Если случается, что иные души, не вынося тяжести собственных страданий, или при видѣ страданий другихъ, отступаютъ отъ Бога, доходить до богохульства, то не чаще ли всего скорѣе обращаетъ людей къ Богу и вообще обновляетъ нравственно? Не въ грозныя ли минуты бури, свирѣпѣющей на морѣ, колѣнопреклоняется въ молитвѣ матросъ, казавшійся несчастливъ? И самыя страшныя общественныя потрясенія не изобилуютъ ли плодами нравственнаго улучшенія для жизни людей? — Наконецъ въ 3-хъ страданіе есть наказаніе за грѣхъ, необходимое для восстановленія нарушенной грѣхомъ правды Божіей».

Раскрытіе этой послѣдней мысли мы приостанавливаемъ, потому что встрѣчаемъ на пути возрѣніе которое именно эту мысль отвергаетъ со всѣю рѣшительностію. Мы назвали это возрѣніе узко-эгоистическимъ, потому что оно рѣшаетъ занимающій насъ вопросъ о благѣ и злѣ міра не съ общей, философской, но съ индивидуалистической точки зрѣнія, переноситъ состязаніе объ этомъ предметѣ изъ всеобъемлющей сферы цѣлой вселенной и цѣлаго человечества въ узкую сферу каждаго отдѣльнаго человѣческаго индивидуума. По смыслу этого возрѣнія, вѣра въ божественное міропромышленіе и міроуправленіе должна быть отвергнута не столько потому, что она не можетъ быть оправдана исторією человечества, какъ цѣлаго, сколько потому что она фактически опровергается исторією каждаго человѣческаго индивидуума. Возрѣніе это вполне сформулированнымъ мы встрѣчаемъ у одного изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей Олѣйжа, представителя такъ называемаго *секуляризма*—новаго мысленаправленія, сущность котораго состоитъ въ томъ, что оно, выходя изъ признанія ограниченности человѣческихъ способностей, неразрѣшимости высочайшихъ проб-

лемъ ума, недостижимости и недостоверности идеальнѣйшихъ чаяній сердца, хочетъ область мышленія ограничить одними доступными ему вопросами опыта, а жизнь—одними житейскими потребностями и интересами. Признавая невозможнымъ метафизическій атеизмъ также, какъ и раціональный теизмъ, секуляризмъ однакожъ не выдерживаетъ строго своего принципа нейтральности въ рѣшеніи сверхъ—опытныхъ вопросовъ, но критикуетъ и отвергаетъ всѣ почти религіозныя истины и вѣрованія, не исключая и самой основной между ними—вѣры въ Бога, какъ міропромыслителя и міроправителя. Представитель этого мысленаправленія Ольйокъ самъ признаетъ, что вѣра эта есть самая священная и дорогая для человѣческаго сердца вѣра, и однакожъ отвергаетъ ее всецѣло на томъ основаніи, будто противъ нея говорятъ всѣ факты нашего жизненнаго опыта. »Если важно, говоритъ онъ, для христіанина отстаивать свою вѣру въ личнаго Бога, то это главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ имѣть для себя любвеобильнаго Промыслителя и Отца, котораго можно умилоствовать молитвою въ опасностяхъ, отъ котораго можно получить свѣтъ во тмѣ, помощь въ нуждахъ и скорбяхъ. Признаюсь, что въ христіанствѣ едвали есть ученіе привлекательнѣе этого; и если бы нужно было понять причину успѣховъ христіанства, то не достаточно ли было бы для этого знать, что оно всеѣмъ людямъ, безъ различія званія и состоянія проповѣдало, что есть на небѣ Богъ, который есть ихъ общій Отецъ, который слышитъ ихъ молитвы и печется о нихъ съ такою неусыпностію, что даже волосъ на головѣ ихъ не падаетъ безъ позволенія на то Его всеблагой воли? Если вы мнѣ скажете, что Богъ существуетъ, что Онъ есть сила, начало, или духъ, или свѣтъ, или жизнь, или разумъ, или что угодно, но если Онъ не Отецъ, къ которому мы можемъ взывать какъ дѣти, если Онъ не Провидѣніе, которое мы можемъ умолять и отъ кото-

раго мы можемъ получать помощь въ годину опасностей и несчастій, то я прямо скажу: мало мнѣ нужды, существуетъ ли Онь или нѣтъ. Но въ томъ и вопросъ, существуетъ ли такой Богъ, или нѣтъ? Опытъ съ неотразимою убѣдительностію говорить, что нѣтъ. Я самъ когда-то имѣлъ полную вѣру во всѣ эти вещи, и молился съ горячностью этой самой религіи. Я возносилъ къ небесамъ горячія молитвы, на которыя, я не понимаю, почему бы даже человѣчество могло бы не отвѣтить, на которыя по крайней мѣрѣ и непремѣнно отвѣчалъ бы, если бы кто обратился съ ними ко мнѣ. Я видѣлъ, какъ всѣ дорогие и близкіе мнѣ, имѣвшіе, по всѣмъ соображеніямъ, всѣ права быть и жить, погибали вокругъ меня одинъ за другимъ, и я понималъ, въ чемъ весь секретъ; теперь я больше не таюсь уже, что счастье всякаго человѣка зависитъ отъ его собственной энергіи и промыслительности, а вовсе не отъ провидѣнія небесъ. Да и не мой одинъ опытъ говорить это; напротивъ, цѣлая громада фактовъ возстаютъ, чтобы заставить замолчать людей, утверждающихъ, что Богъ вмѣшивается въ дѣла человѣческія. Еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ, то не было бы въ мірѣ извѣстныхъ всякому самыхъ страшныхъ безурядицъ и незаслуженныхъ бѣдствій, не совершались бы безнаказанно тысячи страшныхъ общественныхъ и частныхъ преступленій; если Богъ править міромъ, то отчего это напр. свобода въ цѣпяхъ во всей Европѣ? Если бы, по смыслу старой доктрины, кровь нашихъ братій вопіяла къ Богу объ отмщеніи, то всякій патріотъ вездѣ былъ бы освобождаемъ отъ тюрьмы, тиранъ вездѣ низвергаемъ бы былъ съ оскверняемаго, безчестимаго имъ трона, и проч. и проч. Посланку же всего этого нѣтъ, то слѣдуетъ, что есть ли Богъ существо отдѣльное отъ природы, или же сама природа есть Богъ, во всякомъ случаѣ Богъ этотъ есть Богъ желѣзный, совершающій свое шествіе не останавливаясь, нигуда не озираясь, никого не слушая и

ничего не чувствуя,—дѣйствующій съ поразительнымъ однообразіемъ, непреклонный, какъ судьба, абсолютный, какъ тиранъ, безжалостный, какъ смерть, слишкомъ недоступный, чтобъ Его воспѣвать, слишкомъ непостижимый, чтобъ Ему поклоняться, не умолимый никакими уничиженіями, не имѣющій ушей для молитвы, сердца для симпатій, рукъ для спасенія* *). Итакъ,—молитвы наши не слышатся, значитъ Богъ не печется о насъ какъ Отецъ, — добродѣтель въ мірѣ не признается и не награждается, порокъ смѣется и не наказывается, значитъ, нѣтъ верховнаго моральнаго міроуправленія, — вотъ главныя мысли Олійока, мысли, впрочемъ, отъ начала міра многимъ, если не веѣмъ, приходившія въ голову, но только людей не твердыхъ вѣрою и не крѣпкихъ умомъ приводившія къ такому заключенію, къ какому пришелъ Олійокъ.

Молитвы наши часто, даже очень часто не слышатся, желанія наши, открываемыя въ нихъ предъ Богомъ, не выполняются,—это фактъ, слишкомъ извѣстный почти всякому изъ насъ, чтобъ его можно было отрицать, и однакожь мы думаемъ, что изъ него ничего рѣшительнаго не слѣдуетъ противъ нашей вѣры во всеблагаго и премудраго міропромыслителя. И то правда, что часто не слышатся Богомъ даже такія молитвы, — которыя, по нашему мнѣнію, непремѣнно должны бы быть слышны и о которыхъ говоритъ Олійокъ, что даже всякій не безсердечный человѣкъ услышалъ бы ихъ; и не только бываетъ это съ молитвами частныхъ лицъ, но и съ молитвами цѣлыхъ царствъ и народовъ; однакожь изъ того, что многія молитвы мы можемъ считать заслуживающими выполненія, вовсе не слѣдуетъ еще, что они таковы и на самомъ дѣлѣ, таковы предъ лицомъ самого Бога, къ которому онѣ возносятся. При-

*) Buchanan. Faith in God and modern atheism compared. Vol. II p. 261—263.

помнимъ напр., что въ средніе вѣка почти вся Европа горѣла самымъ искреннимъ желаніемъ овладѣть Іерусалимомъ, оспященнымъ стенами Спасителя нашего и въ немъ гробомъ пострадавшаго и умершаго за грѣхи всего міра нашего Господа. Желаніе повидимому самое справедливое и разумное, самое высокое и священное, и однакожь оно не сбылось, не смотря на то, что для осуществленія его потрачены цѣлыя милліоны жизней, неисчислимыя суммы, невообразимые подвиги, труды, лишенія. Что-же, такой результатъ не долженъ ли казаться самою безпощадною ironіей надъ вѣрою средневѣковаго человечества въ провидѣніе? Конечно, да, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Ольюка, т. е. если брать фактъ въ его исключительности, безъ всякаго вниманія къ его послѣдствіямъ; но, когда приведши въ извѣстность эти послѣдствія, мы узнаемъ, что крестоносныя дружины, мало по мало совѣмъ наконецъ очистившія Палестину, принесли домой, вмѣсто прежняго религіознаго фанатизма, безчеловѣчно проливавшаго кровь невѣрныхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилъ кровь свою за спасеніе всѣхъ людей безъ различія племенъ и націй нашъ Спаситель, уваженіе къ личности и убѣжденіямъ другихъ,—вмѣсто прежней фальшивой вѣры въ исключительную необходимость и спасительность мѣста, вещи, обстановки и наружныхъ обрядовъ, твердое убѣжденіе, что спасеніе не въ Іерусалимѣ или какомъ бы-то ни было мѣстѣ, а единственно въ глубинѣ чистой души,—взамѣнъ прежнихъ суевѣрій принесли любовь къ наукѣ и образованію, взамѣнъ чужезадной рыцарской лѣни—любовь къ искусству, промышленности и вообще ко всякому практически полезному труду, взамѣнъ прежней рыцарской снѣп, питавшейся насиліемъ чужой свободы, уваженіе ко всякому, какъ къ равноправному ближнему, взамѣнъ прежняго гражданскаго индифферентизма твердыя національныя наклонности и живыя національныя симпатіи, когда мы

узнаемъ, что въслѣдствіе всего этого по всей Европѣ возникли университеты, возникла и оживилась торговля, усилилась и развилась промышленность, нать феодализмъ, возникли полныя силы и жизни національности: то мы считаемъ себя вправе назвать безумцемъ всякаго, кто бы рѣшился упрямить и отвергать провидѣніе на томъ основаніи, что въ разсматриваемомъ случаѣ молю и желанія человѣческія не выполнены сразу и съ буквальною точностію; они, конечно, не выполнены, во за-то получены такія блага, такіе результаты, въ сравненія съ которыми быть можетъ были бы ничто тѣ, которые бы получались отъ точнаго исполненія того, о чемъ люди усердно молились. Въ разсматриваемомъ случаѣ, очевидно, молитва оказывается ошибочною съ точки зрѣнія историческаго результата. Но если цѣлые народы могутъ ошибаться въ этомъ отношеніи, то на какомъ основаніи можемъ мы считать безошибочными свои индивидуалистическія желанія и моленія, имѣемъ ли мы какое либо ручательство того, что исполненіе каждаго изъ этихъ желаній будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ большее благо, чѣмъ неисполненіе? Никакого, потому что будущія комбинаціи жизненныхъ обстоятельствъ всегда лежатъ за предѣлами и нашей воли и нашей мысли,—онѣ не въ нашихъ рукахъ, а въ рукахъ Божіихъ. Только для Бога открыта вся многосложная ткань послѣдующаго житиетеченія, и потому Онъ допускаетъ входить въ эту ткань только такимъ нитямъ, которыя могутъ имѣть въ ней непреходящую, абсолютную цѣнность, и вотъ почему Онъ оставляетъ безъ вниманія большую часть нашихъ молитвъ и желаній—потому что они имѣютъ не абсолютную, а только моментальную цѣнность, цѣнность только въ нашихъ глазахъ, способныхъ видѣть вещи только въ моментъ настоящаго ихъ явленія.—Возьмемъ другой примѣръ, и уже самый свѣжій. Глава римской церкви, убѣжденный не только въ непогрѣшимости своего религіознаго авторитета, по

въ святости своей политической власти, править своимъ государствомъ съ такимъ же абсолютизмомъ, какъ и церковію, не справляясь вовсе съ потребностями и желаніями своихъ подданныхъ, не обращая никакого вниманія ни на миролюбивыя заявленія ихъ объ улучшеніяхъ, ни на явно-революціонныя движенія. Онъ не измѣняетъ этой своей тактики даже въ виду рѣшительныхъ посягательствъ на его власть, облеченныхъ въ форму права общественныхъ и политическихъ интересовъ: вмѣсто всего, онъ только именемъ Божиимъ подвергаетъ церковному проклятію всѣхъ виновниковъ этого посягательства, въ твердой вѣрѣ, что Богъ защититъ и сохранитъ ему власть надъ государствомъ точно также, какъ защищаетъ его власть надъ церковію. И однакожь вѣра эта оказалась тщетною,—папское государство болѣе уже не существуетъ. Что же-ужели изъ-за этого кто либо, а тѣмъ болѣе самъ непогрѣшимый папа долженъ усумниться въ божественномъ провидѣніи? Кажется менѣе, чѣмъ по поводу всякаго другаго историческаго перелома. Въ настоящемъ разѣ, конечно, оставлены провидѣніемъ безъ вниманія желанія и мольбы, положимъ, даже самыя искреннія и горячія желанія и мольбы одного лица, положимъ, даже лица, которому, по крайней мѣрѣ по его собственному мнѣнію нѣтъ равнаго на землѣ,—самого главы всей римской церкви—самого намѣстника Христова, по за то удовлетворены не менѣе горячія желанія и мольбы цѣлыхъ милліоновъ людей, которые нинѣ столько же благоденствуютъ отъ полученной свободы, сколько страдаетъ ихъ прежній владыка отъ потери надъ ними власти. Такимъ образомъ если и въ настоящемъ случаѣ человѣческая молитва оказалась тщетною, то это опять по собственной винѣ, вслѣдствіе собственной ошибочности, которую можно назвать уже ошибочностію съ точки зрѣнія общаго блага. Но не тоже ли самое слѣдуетъ сказать и вообще о большей части человѣческихъ молитвъ? Много ли изъ

нихъ можно признать совершенно безошибочными въ этомъ отношеніи? Не чаще ли всего мы молимся о томъ, въ чемъ чаемъ видѣть одно личное благо, и что не только не стоитъ въ тѣсной связи съ благомъ другихъ, всѣхъ, но и соединяется непременно съ ущербомъ послѣднему? Какъ можетъ быть удовлетворено напр. желаніе одного лица сосредоточить въ рукахъ своихъ несмѣтныя богатства безъ ущерба интересамъ другихъ, изъ коихъ многіе не имѣютъ, быть можетъ, даже насущныхъ средствъ жизни, или неограниченныя желанія честолюбца и властолюбца безъ того, чтобы многіе другіе не потеряли чего либо изъ принадлежащихъ имъ правъ и преимуществъ? Только безконечная благодѣтельность Божія хочетъ быть всею, эгоистическое же сердце человѣческое чаще всего хочетъ только, чтобы все было для него, чтобы все служило его благу, и вотъ почему Божество большую половину желаній этого сердца оставляетъ безъ исполненія—т. е. потому, что исполненіе ихъ было бы болѣе зломъ, чѣмъ благомъ, послѣку благо одного тутъ соединялось бы съ зломъ для многихъ.—Наконецъ, исполненіе или неисполненіе молитвъ зависитъ, и болѣе всего, отъ ея внутренняго на то права или безправія—отъ ея внутренняго достоинства. Въ этомъ отношеніи исторія молитвы представляетъ слѣдующіе четыре момента. Гвинейскій негръ, по разсказу Лойера, каждое утро идетъ купаться въ рѣку, и выкупавшись такъ молится: «Мой Богъ! понли мнѣ на нынѣшній день довольно рису и яма (растеніе), дай мнѣ побольше золота, богатства и работъ, въ случаѣ же бѣды понли мнѣ быстроту и увертливость». Сократъ молился такъ: «Молю Бога, чтобы я былъ внутренне чистъ, и чтобы вся моя судьба сообразна была съ правильнымъ настроеніемъ ума». Вл. Августинъ молился: «Боже! дай, чтобы мое сердце возжелало Тебя, возжелавши же искало Тебя, найдя обрѣло Тебя, обрѣтши возлюбляло Тебя, возлюбивши же было спасено Тобою отъ всякаго

зла». Наконецъ Иисусъ Христосъ молился: «Молю Тя Отче, да вси будутъ едино, якоже Азъ въ Тебѣ и Ты во Мнѣ, да и тѣ едино будутъ въ насъ». Въ какой степени каждая изъ этихъ молитвъ отличается по своему внутреннему достоинству отъ каждой другой, въ такой же степени шире или уже исполненіе ея сравнительно съ остальными. Иисусъ Христосъ молился не просто о благѣ, но о высочайшемъ благѣ внутреннѣйшаго единенія съ источникомъ всякаго блага—Отцемъ небеснымъ, молился притомъ объ этомъ благѣ не для себя лично, но для всѣхъ, и эта молитва исполнилась въ образованіи церкви Христовой, церкви сыновъ Божіихъ, охватившей всѣ страны и всѣ народы міра, существующей и все болѣе и болѣе распространяющейся уже болѣе 18 вѣкомъ, и имѣющей существовать до скончанія міра, такъ что и врата ада не одолѣютъ ей. Но многіе ли изъ насъ молятся этою чистѣйшею молитвою Христовою? Точно также всегда исполнялись бы наши моленія, еслибы мы молились молитвою Августина, т. е. если бы желали самого Бога имѣть благомъ нашего сердца, потому что въ самомъ дѣлѣ съ присутствіемъ Бога въ нашемъ сердцѣ всегда соединяется самое высшее, полнѣйшее и чистѣйшее блаженство. Гораздо рѣже уже выполняется молитва Сократа, который, вмѣсто Бога, искалъ блага въ чистотѣ собственнаго сердца, въ правотѣ собственнаго ума. Эти блага, какъ духовныя, конечно выше и цѣннѣе благъ чувственныхъ, но все же онѣ только условныя блага, сами по себѣ, безъ связи съ благомъ безусловнымъ—Богомъ, не могущія удовлетворить вполне челоуѣка, и вотъ почему люди, всецѣло отдающіе себя исканію этихъ благъ,—мудрые вѣка часто не находятъ того, чего ищутъ, полного удовлетворенія, насыщенія, блаженства, между тѣмъ какъ его достигаютъ всѣ истинные сыны Божіи, не богатые умомъ, но преисполненные любовію къ высочайшему благу—Богу. Наконецъ рѣже всего испол-

иается молитва гвинейскаго негра, какъ это извѣстно изъ разсказовъ, что негръ чуть не ежедневно мѣняетъ своихъ фетишей, и что онъ всякій разъ, какъ окажутся тщетными надежды, которыя онъ возлагалъ на того или другаго фетиса, подвергаетъ этого фетиса разнымъ поруганіямъ и истязаніямъ, сбиваетъ его розгами, уродуетъ и на тѣмъ выбрасываетъ вонъ. Не лучше, какъ мы видѣли, поступилъ и Олійокъ съ своимъ всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ. А между тѣмъ тутъ ничѣмъ не виноватъ ни бѣдный, ничтожный фетисъ, ни тѣмъ болѣе всемогущій Богъ, а виноватъ единственно самъ человѣкъ, представляющій въ своихъ молитвахъ требованія такихъ благъ, которыя не имѣютъ никакой внутренней цѣнности и излишекъ которыхъ для человѣка въ нравственномъ отношеніи гораздо болѣе можетъ быть вреднымъ, чѣмъ скудость въ нихъ. Но не больше ли всего люди стараются вымалывать себѣ у Бога именно эти блага? Не скрываются ли часто желанія этихъ благъ даже въ молитвахъ о духовныхъ благахъ? Не бываетъ ли часто такъ, что люди, устами прося дарованій духа, въ сердцѣ разумѣютъ блага плоти, просятъ о прощеніи грѣховъ, а думаютъ о беззаконности, молятъ о спасеніи, а думаютъ о благополучіи, подобно одному, осмѣянному въ сатирѣ, римлянину, который непосредственно послѣ того, какъ вознесъ въ должной формѣ молитву Аполлону, примиряющему грѣшника съ Богомъ, съвозъ зубы сталъ бормотать такую молитву къ богинѣ воровъ: «Преблагая Лаверна! надѣли меня талантомъ обманывать и лгать такъ, чтобъ люди не могли обнаружить моей лжи, обкрадывать, кого я хочу такъ, чтобъ люди меня считали честнымъ и безпорочнымъ». Притомъ, не бываетъ ли часто человѣку самому предъ собою совѣстно отъ сознанія пустоты своихъ желаній и моленій, когда напр. проживши лѣтъ 20 онъ вспомнить, чего желалъ онъ, о чемъ молился, когда ему было только 10, и проживши лѣтъ 40, 50, 60 вспомнить, чего же-

лалъ въ 20, въ 25 лѣтъ? У могилы же, наконецъ, когда человѣкъ можетъ смотрѣть на свое прошлое съ полнымъ безпристрастіемъ, не смотритъ ли онъ на большую часть своихъ желаній и затѣй, какъ на пустѣйшую суетливость и не благодарить ли Бога именно за то, что они не сбылись?—Если же такъ, если наши желанія намъ самимъ кажутся безправными, неразумными во свѣтѣ высшаго безпристрастнаго сознанія, то чѣмъ послѣ этого онѣ должны быть во свѣтѣ всевѣдѣнія божественнаго? И на какомъ, послѣ этого, основаніи, по какому праву требуемъ мы, чтобы всѣ они были выполняемы, и какое имѣемъ мы право за тѣмъ сомнѣваться во всеблагомъ Промыслителѣ міра, въ случаѣ невыполненія ихъ? Неисполнимость нашихъ желаній и молитвы только тогда могла бы служить достаточнымъ основаніемъ къ такому сомнѣнію, если бы они были достойны выполненія во всѣхъ трехъ показанныхъ отношеніяхъ, но этого никто доказать не можетъ,—только тогда, если бы мы молились только молитвами абсолютно-самоцѣнными, но такую молитву мы знаемъ только одну *«да будетъ Господи воля твоя»*, потому что только волѣ Божіей премудрой и всевѣдущей, извѣстно, что для насъ истинно благо,—благо притомъ не въ настоящій только моментъ, но и въ связи съ будущими послѣдствіями и не для насъ только самихъ, но и въ связи съ благомъ другихъ, всѣхъ. *Аще вы лукави суще, ска-заль однажды Господь толпѣ слушателей, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный даетъ блага просящимъ у Него.* Но если и земные отцы оцѣниваютъ сначала желанія и просьбы своихъ дѣтей, и выполняютъ изъ нихъ только тѣ, отъ коихъ ожидаютъ добрыхъ плодовъ, рѣшительно отказывая въ удовольствіи тѣхъ, отъ коихъ не предвидятъ ничего хорошаго—отказывая даже при сознаніи, что эта больно для любимыхъ ими и любящихъ ихъ дѣтей, и если эта разборчивость родителей не только не слу-

жить доказательствомъ отсутствія въ нихъ попечительной любви къ дѣтямъ, но служить именно высшимъ, полнѣйшимъ выраженіемъ этой любви: то есть ли смыслъ требовать, чтобы всеблагій и всеблудящій Отецъ небесный поступалъ неразумнѣе даже, чѣмъ эти родители, чтобы Онъ выполнялъ все наши мелочныя желанія, безъ всякаго между ними разбора, безъ всякаго соображенія ихъ послѣдствій, и затѣмъ сомнѣвался въ попечительности о насъ Божей, въ случаѣ неисполненія ихъ, когда она, быть можетъ, болѣе всего и выразится именно въ этомъ, устроивъ такимъ путемъ гораздо вѣрнѣе и наше собственное и общее благо? Всеблагое о насъ промышленіе вовсе не въ томъ состоитъ, чтобы тотчасъ же выполнялось всякое малѣйшее, мимолетнѣйшее наше желаніе, а въ томъ, чтобы, иногда даже вопреки нашимъ желаніямъ, изъ просимаго давалось только истинно для насъ полезное и въ нашихъ обстоятельствахъ возможно—лучшее. Имѣя это въ виду, можно утверждать даже, что молитвы наши выполняются и притомъ все безъ изыятія—въ томъ смыслѣ, что за всякою изъ нихъ непременно слѣдуетъ результатъ, опредѣляемый мѣрою ея собственной цѣнности и приносящій съ собою то, что составляетъ возможно лучшее для нашего и вмѣстѣ для общаго блага, только результатъ не всегда непосредственный, чаще всего—отдаленный, трудно уловимый для наблюденія и для нашего ограническаго пониманія. Требовать же, напротивъ, такого провидѣнія, которое бы отвѣчало всѣмъ безъ изыятія человѣческимъ желаніямъ, значитъ, требовать, не столько блага, сколько зла себѣ, другимъ и вообще всему порядку и строю міру, послѣду это значитъ прежде всего требовать: чтобы высочайшій Промыслитель и Правитель міра былъ подобенъ не людямъ вообще, между которыми у большей части есть вѣрныя понятія о томъ, что добро и что зло, что больше и что менѣе достойно исканія и осуществленія, но именно людямъ, всецѣло

изливающимся въ минутныхъ порывахъ и желаніяхъ, безъ всякаго различія между ними лучшихъ отъ худшихъ, достойныхъ отъ недостойныхъ и ограниченія послѣднихъ въ пользу первыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это значитъ хотѣть постоянного чудеснаго нарушенія и возстановленія порядка человѣческой жизни и исторіи, то есть совершенной хаотичности, поелику человѣческія желанія именно представляютъ хаосъ, и притомъ хаосъ, движущійся на принципѣ эгоизма, борьбы всякаго противъ всѣхъ; наконецъ, это значитъ желать не помощи Божіей только въ нашемъ собственномъ усиленномъ исканіи блага и счастья, а полной отмычки нашего собственного самопопеченія и замѣны его все за насъ и для насъ дѣяющимъ божественнымъ всемогуществомъ, т. е. лишенія всѣхъ тѣхъ благъ, которыя соединяются съ усиліями самодѣтельнаго человѣческаго развитія, усовершенствованія. Но какъ никакой здравый умъ не можетъ серьезно питать такихъ желаній, такъ никакой серьезный умъ не станетъ отрицать дѣйствительности всеблагаго божественнаго провидѣнія въ виду неисполнимости многихъ, даже большей части, человѣческихъ желаній, но скорѣе допуститъ, что причина этой неисполнимости лежитъ именно въ самихъ же человѣческихъ желаніяхъ, въ отсутствіи въ нихъ права на удовлетвореніе по какой либо одной изъ указанныхъ нами причинъ, или по всѣмъ имъ вмѣстѣ.

Нѣтъ никакого верховнаго міроуправленія потому, какъ говорятъ Ольбюкъ, что Богъ не обнаруживаетъ себя съ судьбахъ человѣческой жизни, какъ моральный судія и мздовоздатель, потому что Онъ зло оставляетъ не наказаннымъ, добро—не награжденнымъ.—Напротивъ отвѣчаемъ мы, Богъ постоянно обнаруживаетъ себя всѣмъ намъ и каждому изъ насъ, какъ законодатель и напоминатель своего закона, какъ

свидѣтель, судія и мздовоздатель всѣхъ нашихъ дѣлъ, и это прежде всего въ нашей собственной совѣсти. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, на какой бы умственной и нравственной ступени ни стоялъ, онъ всегда онъ носить въ совѣсти своей нравственный кодексъ болѣе или менѣе обширный или узкій, но всегда правильно и безошибочно указывающій, что добро и что худо. Этотъ кодексъ носить всегда съ собою даже послѣдній злодѣй, не смотря на то, что постоянно нарушаетъ его, ибо, совершая каждое гнусное дѣло, онъ хорошо знаетъ, что это дѣло именно гнусное, что въ немъ онъ совершаетъ преступленіе, нарушеніе закона, значить, въ совѣсти вмѣстѣ и законъ, и свидѣтельство, и судъ надъ всякимъ дѣломъ, въ пей же и возмездіе всякаго дѣла и притомъ самое безошибочное и правосудное. Правда, что отъ частыхъ преступленій совѣсть какъ бы онѣмѣваетъ и, повидимому, перестаетъ наказывать преступника за каждое частное злодѣяніе т. е. перестаетъ сопровождать чувствомъ страданія всякое такое злодѣяніе, но за то въ такомъ случаѣ пропадаетъ у преступника навсегда спокойная ясность и радость души, и на мѣсто ихъ выступаетъ общая тревожность, которая только иногда прерывается—въ отдѣльные моменты чувственного онъяненія отъ необузданнаго, дикаго разума. Если злодѣй, у котораго, повидимому, не осталось и слѣда совѣсти, послѣ каждаго злодѣйства предается разгулу, пируетъ, пьетъ до омертвенія съ друзьями, то это именно приходитъ отъ того, что дремлющая совѣсть встала отъ сна и требуетъ суда, изъ усилія затупить виномъ и безумнымъ весельемъ память о прошломъ дѣлѣ, заглушить душевную тревогу отъ осуждающей и мучащей совѣсти. А такіе факты, какъ напр. внезапная блѣдность или краска въ лицѣ при встрѣчѣ съ чужимъ взглядомъ, невольныя вздрагиванья во снѣ и при всякомъ шорохѣ, постоянная тоска, недовольство собою и брюзгливость,—что говорить они какъ лю

то, что совесть постоянно жива и дѣйствительна какъ законъ, какъ судъ и воля о возмездіи. И у злодѣя, ушатающагося кровью ближнихъ своихъ, плавающаго въ вину и всякихъ удовольствіяхъ, бываютъ минуты самой вѣрпой оцѣнки своихъ дѣлъ, самаго искренняго раскаянія и самаго страшнаго мученія; въ такія минуты онъ искренно радъ бы былъ помѣняться своимъ, набитымъ золотомъ мѣшками, на суму перваго нищаго, еслибъ только можно было вмѣстѣ съ тѣмъ помѣняться съ нимъ и душою, еслибъ на золото можно было купить безцѣнное благо душевнаго покоя. За то какую отраду и сладость испытываетъ душа послѣ всякаго добраго дѣла, какъ счастливъ человѣкъ безупрѣчной жизни, имѣющій чистую покойную совесть,—ни на какія блага въ свѣтѣ не промѣняется онъ своего душевнаго покоя, ни за что въ свѣтѣ не помѣняется онъ своею долею на долю ни знатнаго, ни богача, ни вельможи, если узнаеть, что вмѣстѣ съ золотомъ, или съ знатностію или съ могуществомъ онъ получитъ взамѣнъ своей чистой черную, возмущенную душу. Намъ кажется, что даже сидящій въ тюрьмѣ патріотъ Ольжика, если только онъ высоко нравственный, всецѣлю отдавшій себя благу соотечественниковъ, не долженъ бы слишкомъ роптать на судьбу, потребовавшую такой дорогой жертвы отъ его патріотизма, а тѣмъ болѣе завидовать пышнымъ чертогамъ и безпутному раздолью кровожаднаго, развратнаго тирана. Исторія не мало знаетъ людей, которые переносили съ благодушіемъ самія тяжкія лишенія, и бѣдствія отъ преслѣдованій за вѣру, за правду, за интересы ближнихъ и цѣлаго общества, переносили притомъ не только безъ всякой зависти къ своимъ преслѣдователямъ, наслаждавшимся отъ несправды всѣми благами жизни, но и съ сожалѣніемъ объ ихъ положеніи,—что значить это?—Конечно то, что тѣмъ выше и глубже нравственный подвигъ, тѣмъ больше и глубже его внутренняя награда, тѣмъ выше и чище произ-

водимое имъ блаженство духа: это значить, что внутреннее блаженство великихъ посителей и борцовъ добра и правды, силою своею заслушающее страданія отъ разныхъ лишеній, на самомъ дѣлѣ дорожке тѣхъ удовольствій, которыя потеряны въ этихъ лишеніяхъ, т. е. выше и сладостнѣе всякой земной награды, всякаго земнаго блаженства.

Но не въ себѣ только, не въ собственной только совѣсти получать возмездіе всякое правственное дѣло, но получать его еще и въ мнѣніи и сужденіи другихъ, которымъ мы всегда дорожимъ и которое также строго, если еще не строже, чѣмъ судъ нашей собственной совѣсти. Какъ ни много, повидимому, въ жизни и исторіи случаевъ непризнанной великой доблести, гонимой неподкупной честности, преслѣдуемой правдивости, но на самомъ дѣлѣ подобныя добродѣтели не признаются и преслѣдуются лишь тѣми не многими, которые имѣютъ какіе либо особые личные въ этомъ интересы,—голосъ-же народа голосъ Божій всегда стѣбитъ на сторонѣ правды, и это то служитъ лучшей и подмогой и дорогой наградой всѣмъ высокодоблестнымъ, страждущимъ за правду людямъ: мы думаемъ, что даже къ патріоту Ольжика, посаженному въ тюрьму тираномъ, шло отъ добрыхъ людей не только дорогое для него сочувствіе и участіе, но и нѣкоторое вспоможеніе... Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы всегда и совершенно безсильна была всѣхъ страданій и сама страждущая добродѣтель, которая въ большей части случаевъ или не имѣетъ достаточно самоотверженія, чтобы, преслѣдуя свои высокія цѣли, падать вмѣстѣ и слабыя стороны сочувствующихъ имъ ближнихъ, чтобы не быть слишкомъ ригористичною и безпощадною, или не обладаетъ достаточнымъ умѣньемъ и терпѣньемъ, чтобы идти къ своей цѣли тихо, спокойно, безъ скачковъ и крутыхъ поворотовъ, которые всегда болѣзненно

отзываются на обычномъ теченіи человѣческой жизни. Точно также по роду своему получать награду въ судѣ общества и дурное дѣло. Когда человѣкъ тщательно скрываетъ отъ другихъ свои пороки, то это самое показываетъ, что онъ мучится за нихъ у себя дома—въ своемъ собственномъ судѣ; но и самое это укрывательство есть своего рода и даже не легкая пытка и мука: всякій прощательный, косой, двусмысленный взглядъ другихъ, полушепотный разговоръ, невзначай и безъ умысла названное дурное дѣло, похожее на его поступокъ, или даже лестное для него одобреніе—все это и подобное постоянно возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, приводитъ всегда въ смущеніе, вызываетъ краску стыда, блѣдность испуга отъ мысли, что все уже извѣстно. Въ этомъ разѣ собственная страшливая совѣсть обыкновенно даже преувеличиваетъ тяжесть преступленія, но когда потомъ все выплываетъ наружу по непонятному намъ закону, гласящему, что нѣтъ тайнаго и особенно дурнаго дѣла, которое бы когда либо не открылось,—тогда, чѣмъ снисходительнѣе самоизвиняющее собственное сужденіе, тѣмъ строже является сужденіе чужое, за которымъ слѣдуетъ и осужденіе. Положимъ, что много преступленій укрывается отъ взоровъ общества, а много и изъ открытыхъ проходитъ безъ наказанія вслѣдствіе подкупности ли суда, или другихъ какихъ либо обстоятельствъ, но общественное мнѣніе тѣмъ не менѣе никогда не прощаетъ ихъ, а произносить всегда свое строгое осужденіе какъ на нихъ самихъ, такъ и на дурной надзоръ и неправый судъ. Изъ юридической же безнаказанности многихъ изъ преступленій во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ выводъ Ренана, что человѣчество и исторія имморальны, потому что во всякомъ обществѣ мы видимъ постояннымъ стремленіе не ослабить свои юридическія средства—общественнаго надзора и суда, но усиливать и усовершеншать ихъ.

Наковецъ, есть и еще одинъ неизбѣжный родъ нравственнаго возмездія, вытекающаго изъ той тѣсной связи между нравственнымъ характеромъ и внѣшнимъ благобытіемъ человѣка, по которой въ параллель съ правильною добродѣтельною жизнію всегда почти идетъ тѣлесная бодрость, свѣжесть, крѣпость и долгожизненность, а въ параллель съ бурной, безпокойной, безпорядочною жизнію порока, преступленія и разврата всегда идетъ постоянно-чувствуемое утомленіе, истощеніе, вообще болѣзненное состояніе, а съ нимъ вмѣстѣ преждевременная хилость, вялость и недолговѣчность. Послѣ этого не вправѣ ли мы сказать съ Псалмопѣвцомъ—*лучше малое праведнику паче богатства грѣшныхъ многа* (Пс. 36, 16), т. е. не вправѣ ли мы заключить, что человѣческія дѣла всегда подлежатъ праведному возмездію, такъ что ни объ одномъ добромъ поступкѣ нельзя сказать, чтобъ онъ прошелъ абсолютно безъ всякаго награжденія, равно и о дурномъ, чтобъ онъ проходилъ безъ всякаго наказанія? Если же такъ, то какое мы имѣемъ право отрицать истинность вѣры въ Бога, какъ верховнаго моральнаго міроправителя? Потому что чѣмъ же мы иначе можемъ изъяснить очевидное для всякаго моральное міроправленіе въ человѣческой жизни и исторіи? Вѣдь ни изъ принципа чистой беззавѣтной причинности, ни изъ безличнаго разума, ни изъ бессознательной души міра, ни изъ безразличной въ себѣ матеріи и силы, ни изъ атомовъ, ни изъ всего этого вмѣстѣ никомъ чудомъ не вытекаетъ нравственный міръ съ его стремленіями и идеалами, съ его радостями и страданіями, какъ нравственнымъ возмездіемъ за всякое дѣло. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ только тогда можно было бы отвергнуть эту вѣру нашу, если бы можно было доказать, что человѣческія дѣла также безразличны въ себѣ, какъ линии, плоскости и тѣла, какъ—теплота, холодъ, дождь и т. п., или что вся исторія человѣческая есть не болѣе, какъ

постоянный, непрерывный, ничѣмъ не наказываемый скандалъ; но этого никто никоимъ образомъ не докажетъ, потому что противъ такой затѣи всегда будетъ рѣшительно стоять живой опытъ, потому что, скажемъ словами Э. Навиля, »для этого пришлось бы очистить все словари и передать въ архивъ обветшалыхъ выраженій такія слова, какъ добро, зло, уваженіе, презрѣніе, порокъ, добродѣтель, честь, безчестіе и т. д., потому что доктрины, которыя, для того чтобъ быть послѣдовательными себѣ, должны привести насъ къ совершенному безразличію, дѣлаютъ такое насиліе человѣческой природѣ, что защитники ихъ не могутъ даже высказать ихъ, не противорѣча себѣ неизбѣжнымъ употребленіемъ этихъ же самихъ словъ или понятій, такъ что имъ и самъ языкъ измѣняетъ и слово отказывается служить«.

Но, возражаютъ намъ далѣе, всеобщность такого рода нравственнаго возмездія мало или вовсе не говоритъ въ пользу божественнаго моральнаго міроуправленія, потому что при такомъ одномъ возмездіи—очень слабомъ, больши внутреннемъ, чѣмъ внѣшнемъ и притомъ далеко не вполне соразмѣрномъ съ поступками, потеряло бы силу и всякій смыслъ самое понятіе возмездія, по которому всякое дѣло должно получать непременно равное своей нравственной цѣнности или преступности воздаяніе, а между тѣмъ такого-то воздаянія именно нѣтъ на самомъ дѣлѣ, потому что, какъ всякому извѣстно, честность и добродѣтель не благоденствуютъ соразмѣрно своей цѣнности, но и страдаютъ или отъ не признанія или отъ прямого преслѣдованія, порокъ же не только не наказывается соразмѣрно своей преступности, но иногда съ избыткомъ пользуется всеми благами міра. И мы не отрицаемъ подобнаго рода фактовъ тѣмъ болѣе, что на нихъ часто указываетъ намъ и св. Писаніе (Ис. 72, 2. 3, 5, 10—17; Еккл. 9, 2, 3; Іер.

12, 1), но мы думаемъ, что и эти факты не заключаютъ въ себѣ ничего особенно опаснаго для нашей вѣры въ божественное моральное міроуправленіе. Чтобы оцѣнить силу и значеніе этихъ фактовъ въ разсматриваемомъ случаѣ, спросимъ прежде всего, можемъ ли мы сами быть вполне безпристрастными и безусловно вѣрными судьями дѣлъ человѣческихъ? Кто служить судейскому дѣлу, тотъ хорошо знаетъ, что нѣтъ никакой возможности прослѣдить до послѣднихъ внутреннѣйшихъ изгибовъ всѣхъ мотивы человѣческихъ поступковъ и понять ихъ во всей ихъ полнотѣ и цѣлости, и что поэтому сужденіе объ нихъ и присуждаемое за нихъ наказаніе никогда не можетъ имѣть притязанія на математическое равенство съ ихъ внутреннею цѣлостію, а можетъ быть и бывать всегда лишь приблизительнымъ и вѣроятнымъ, но и это только при совершенной личной незанятости или безпристрастности судящаго и при значительной отрѣженности отъ понятій и условій времени и мѣста. А что сказать уже о томъ, когда этого не бываетъ, когда мы сами составляемъ заинтересованную сторону, что почти всегда бываетъ въ нѣкоторой степени, когда мы судимъ по обычаямъ и понятіямъ времени подъ вліяніемъ разныхъ жизненныхъ условій, что всегда уже неизбежно? Пересмотрите юридическіе и уголовные кодексы всѣхъ націй всѣхъ временъ, и вы, увидѣвъ нестрое, иногда даже радикальное различіе въ понятіяхъ о цѣнности человѣческихъ поступковъ и въ назначеніи соотвѣствующихъ имъ воздаяній, вы сами, если только вы стоите по крайней мѣрѣ не ниже уровня современнаго сознанія, должны будете сказать что нельзя быть безусловно-вѣрнымъ судей дѣлъ человѣческихъ ни по одному изъ всѣхъ этихъ кодексовъ, потому что всѣ они много ниже современныхъ, которые, должно полагать, тоже не послѣднее уже совершенство, потому что весьма возможны и еще лучшіе. А еслибы вдобавокъ къ этому сказали

намъ судить пынѣшнихъ людей по древнѣйшему кодексу какой либо мало цивилизованной націи, не сочли ли бы вы подобнаго предложенія за пошлую шутку надъ вами и надъ великой наукой о правѣ и правдѣ? Кажется, что да. Но не то-гоже ли самого мы хотимъ отъ Бога, требуя, чтобъ всякое человѣческое дѣло было судимо не иначе, какъ по нашей сегоднѣшней мѣркѣ, и по ней же получало воздаяніе? Требовать этого отъ Бога не значить ли ставить Его въ одинъ уровень съ ограниченными судьями и правителями человѣческими, и желать чтобъ Его міроуправленіе было не тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по своей идее—безусловно истиннымъ правымъ, но всецѣло похожимъ на несовершенное, ошибочное правленіе человѣческое? Но, тысячи лѣтъ предъ Богомъ—тоже, что для насъ день вчерашній, какъ одна минута для Него и цѣлыя бездны вѣковъ; Онъ одинъ—безмѣтное совершенство и вѣчное благо, и предъ Нимъ чисто изъ людей не правъ въ безусловномъ смыслѣ, всякій пошнень, *още и одинъ день житія его на землі* (Иов. 14, 5; Быт. 8, 21; Ис. 142, 2; Еккл. 7, 21; Прит. 3, 3; 1 Іоан. 1, 8; Лук. 17, 10); Онъ одинъ вѣдаетъ всѣ глубины и изгибы сердца нашего, всѣ помыслы и движенія человѣческой души, которыхъ много можетъ быть нечистыхъ у праведныхъ, равно какъ чистыхъ у неправедныхъ, и потому въ волѣ Его одинаго насъ судить и наказать, помиловать и уцѣдить, якоже и еликоже восхощетъ; намъ же требовать отъ Бога, чтобъ всякое дѣло получало такую мзду, какая намъ кажется достойною и праведною, значить мало того, что равнять Божественную правду съ нашей несовершенной правдой, но еще высказывать безумное притязаніе на безусловность нашего собственнаго суда и правосудія. Словомъ, фактъ непропорціональнаго воздаянія дѣлъ человѣческихъ только тогда дѣлалъ бы сомнительнымъ божественное моральное міроуправленіе, еслибы могли быть доказаны

дѣй вещи—абсолютная вѣрность той нравственной нормы, при помощи которой мы отрываемъ эту непропорціональность, и такаяжъ абсолютная вѣрность нашей оцѣнки человѣческихъ поступковъ по качеству ихъ внутреннихъ мотивовъ; но, какъ само собою понятно, ни то, ни другое никѣмъ и никогда не можетъ быть доказано, потому что для перваго нѣтъ и никогда не будетъ у человѣка законченнаго абсолютнаго совершенства, а для послѣдняго всевѣденія.

Этотъ нашъ выводъ получить еще большую твердость, если примемъ во вниманіе самую цѣль нравственнаго воздаянія. Въ самомъ дѣлѣ, что оно имѣетъ своей цѣлю—одно ли только воздаяніе и ничего болѣе?—Философы, какъ напр. Гегель, Кантъ—утверждаютъ, что исполненіе правосудія въ дѣлѣ возмездій за поступки и проступки есть само по себѣ самостоятельная и абсолютная цѣль, и что справедливость унижается до степени простаго средства, если цѣлю ея поставляется что либо иное, а не сама она; если цѣлю напр. наказанія поставляется предостереженіе, угроза или исправленіе, то этимъ унижается самое значеніе наказанія, которое для преступника, несущаго его, есть его разумность, его право, его законъ, подъ который слѣдуетъ его подвести. Но такое понятіе о возмездіи, кажется, само собою отвергается уже и тѣмъ, что мы выше сказали, т. е. такое значеніе могло бы имѣть возмездіе, еслибы кодексы нашихъ законовъ были безусловно совершенны, а наши судьи безусловно непогрѣшимы, мало того, если бы въ обществѣ или странѣ еще надлежало это возмездіе и на людей безумныхъ, или тѣхъ, изъ которыхъ бы ни въ какомъ случаѣ не могло выйти что либо иное, чѣмъ что обнаружено ими въ известной суммѣ поступковъ—ничего ни лучшаго, ни худшаго, и осуществлялось это возмездіе такими людьми, или среди такихъ людей, для которыхъ бы та-

кая или иная форма возмездія не имѣла безусловно никакого значенія; но все это, очевидно, одиѣ абстракціи, пустымъ воз-
можности и притомъ возможности, рѣшительно опровергаемыя
фактами дѣйствительной жизни. Вотъ эти факты: во всѣхъ
передовыхъ націяхъ Европы или уже отмѣнены, или посте-
пенно отмѣняются—смертная казнь, пытки и даже такъ на-
зываемыя тѣлесныя наказанія, и въ параллель съ этимъ за-
ведены или заводятся разныя исправительныя учрежденія, со-
образныя съ характеромъ, преимущественными наклонностями
и привычками преступниковъ. Что говорить эти факты?—
Намъ кажется то, что люди, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ
нихъ, сознали, наконецъ, что не очень велика и благодѣтельна
мудрость, состоящая въ томъ, чтобы отсѣкать людямъ буйныя
головы, прострѣливать пулею мятежное сердце, или щипцами,
дыбамъ и колесами вытягивать изъ человѣка, вмѣстѣ съ жи-
вами, сознаніе въ небывалыхъ преступленіяхъ, но что гораздо
больше и себя покажетъ и добраго другимъ сдѣлаетъ умъ че-
ловѣческій, если онъ сдумаетъ каждую буйную голову обра-
зумить, каждое мятежное сердце успокоить, каждую загорѣ-
нѣлую душу научить и убѣдить и такимъ образомъ спасти
душу и тѣло тѣмъ, которые прежде обрекались на неминуе-
мую гибель. Словомъ, въ послѣднее время ужь не только на-
казываютъ, но и заботятся, чтобы исправить, сдѣлать сколько
возможно лучшимъ человѣка посредствомъ наказанія. Также
мало оправдывается дѣйствительностію приведенное философ-
ское ученіе и относительно награды; потому что кого соб-
ственно отличаетъ, награждаетъ общественное мнѣніе, какъ
не людей не подкупно-честныхъ, принесшихъ или готовыхъ
принести всѣ свои личныя интересы въ жертву общему благу,
т. е. людей, во имя высшаго блага, отрекающихся отъ всѣхъ
низшихъ благъ, несовмѣстимыхъ съ нимъ. И замѣйте, что
восходящимъ ступенямъ болѣе полного и рѣшительнаго отр-

ченія отъ этихъ низшихъ благъ, и необходимо соединеннаго съ нимъ болѣе и болѣе сильнаго страданія всегда въ точности соотвѣтствуютъ восходящія ступени общественной признательности или награды за это. А это, какъ намъ кажется, не что иное значитъ, какъ то, что честность и доблесть въ нашей земной несовершенной жизни въ сущности всегда есть въ большей или меньшей степени отрицаніе для высшаго, моральнаго блага, всѣхъ низшихъ чувственныхъ благъ и радостей міра, и что безъ этого она, быть можетъ, намъ была бы и вовсе неизвѣстна. Но, если такъ, то чего же хотимъ мы, требуя, чтобъ Богъ непремѣнно вознаграждаетъ всякое нравственное дѣло человеческое физическимъ благомъ или физическимъ страданіемъ? Есть люди, ставящіе во умѣ все мірское, избирающіе жребіемъ своимъ отреченіе отъ всѣхъ благъ міра, а мы хотимъ, чтобъ Богъ непремѣнно переполняетъ ихъ этими самыми благами. Того требуетъ идея правды, говоритъ намъ философія, но спрашивается, требуетъ ли того же самого не менѣе существенная идея благодати, цѣлесообразности? Развѣ можетъ философія заручиться, что эти великіе подвигами лишеній и страданій люди остались бы и въ себѣ и для насъ такими же чистыми и великими, если бы сбылось ея для нихъ желаніе, т. е. среди всякаго изобилія и роскоши? Не часто ли мы видимъ, напротивъ, что люди, въ низкой и убогой долѣ своею добротою и честностію стоявшіе быть образцами для подражанія, когда взберутся на вершину славы, роскоши и богатства, совсѣмъ перерождаются и способны возбуждать въ себѣ только негодованіе и отвращеніе? Однакожь и наоборотъ, никто изъ насъ не осмѣлится утверждать, что всѣ дурные люди непремѣнно сдѣлались бы лучшими, еслибы они за всякое дурное свое дѣло были безпощадно біемы, знали въ семь мірѣ одни только бѣдствія и горести, и ни одного свѣтлаго дня. Всякому напротивъ извѣстны и такіе факты,

что человека влечетъ въ бездну преступленій именно бездна несчастій, и что онъ выходитъ изъ нея именно по мѣрѣ того, какъ выпутывается изъ бездны нужды и лишеній. Никто изъ насъ, стоя у колыбели повородившагося человѣческаго существа, не осмѣлится съ точностію предречь его будущее и сказать, что изъ него выйдетъ то именно, а не другое, если судьба его будетъ такая или иная; точно также никто изъ насъ не можетъ съ полною увѣренностію сказать, чтобы непременно всѣ добрые и честные люди, которыхъ мы видимъ въ низкой доли и среди лишеній и скорбей, были еще лучшими, а не худшими, если бы за возрастающей суммой добрыхъ дѣлъ ихъ слѣдовала всегда такая же сумма физическаго довольства, равно никто не скажетъ, чтобы всѣ нынѣ дурные и поднакожъ всѣмъ довольные люди были лучше, еслибы рука Божія не уставала карать ихъ всѣми казнями міра,—не скажетъ потому что на это нужно ни болѣе ни менѣе, какъ возможное для одного Бога всевѣдѣніе. Если же такъ, то мы не имѣемъ никакого права и отрицать божественное міроустройство изъ-за того одного, что мы не видимъ въ настоящей жизни распредѣленія благодѣль и золь, наградъ и наказаній сообразно съ нашими законами справедливости, поскольку можно допустить, что такое распредѣленіе есть именно наилучшее въ глазахъ всевѣдущаго Провидѣнія, т. е. такое, изъ котораго на самомъ дѣлѣ вытекаеть возможно—наибольшая сумма нравственнаго блага въ человѣчествѣ. Мы думаемъ, что провидѣніе Божіе должно состоять вовсе не въ этомъ желанномъ разданіи каждому такихъ благъ или золь, какія слѣдуютъ по нашимъ несовершеннымъ понятіямъ и законамъ, но въ томъ, что оно для каждаго изъ людей опредѣляетъ такую или другую участь, примѣнительно къ его личнымъ наклонностямъ и въ связи съ историческимъ положеніемъ всей окружающей его среды, что оно участь каждаго соразмѣряетъ съ участью всѣхъ остальныхъ такимъ обра-

зомъ, что изъ совмѣстнаго сплетенія всѣхъ разнообразѣвшихъ положеній всѣхъ и каждаго въ каждый данный историческій моментъ слѣдуетъ для всего человѣчества такая сумма блага, какая только возможна для него, при сохраненіи полной свободы каждаго изъ его членовъ; требовать же, чтобы было иначе т. е. именно такъ, какъ намъ хотѣлось бы, значить требовать на столько уменьшенія въ человѣчествѣ достигаемаго имъ блага, насколько мысли наши отстоятъ отъ мыслей Божіихъ и пути Божіи отъ путей человѣческихъ. Посему, если мы перѣдко видимъ благоденствіе несчастныхъ, «*которыхъ тѣло такъ гуще, что отъ гущности выкатились глаза, которые до самой смерти не знаютъ никакихъ огорченій, потому что съ людьми не трудятся и не страдаютъ они у которыхъ гордость—ожерелье, дерзость—нарядъ, и когда влѣдствіе этого стопы наши готовы поскользнуться и мы готовы усумниться, есть ли правда и всевѣдѣніе Божіе,—тогда, войдя во святилище дѣлъ Божіихъ и проникая въ тайну дѣлъ человѣческихъ, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ подумаемъ: «на сколькомъ мѣстѣ поставить Ты ихъ Господи, и низвергнешь ихъ въ пропасти, какъ мгновенно разоряются они, гибнуть и исчезаютъ отъ внезапныхъ ужасовъ! какъ сновидѣніе по пробужденіи, такъ пробудивъ ихъ, Ты, Господи, сдѣлаешь ничтожнымъ призракъ ихъ (пс. 72, 2—20), и скажемъ съ апостоломъ, что пока блаженствуютъ эти несчастные, благость Божія на покаяніе ихъ ведетъ (Рим. 2, 4), что Богъ долготерпѣитъ на нихъ, да не погибнутъ во грѣхахъ своихъ (2 Песл. 3, 9). Равнымъ образомъ, если мы видимъ страданія и скорби праведниковъ, да не унываемъ, *видяще яко иже и внѣшній нашъ челоуѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16; пс. 77, 34. 35; Прит. 23, 14), яко скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же—искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ**

(Рим. 5, 3—5), и что Богъ людямъ посылаетъ и искушенія человѣческія, а не сверхъ силу, при искушеніи же даетъ и облегченіе, чтобъ можно было его перенести (1 Кор. 10, 13), и да не усумнимся, что *вси нуніе Господни милость и истина* (Ис. 24, 10), *благодѣнь и правосудіе основаніе престолу Ею* (58, 15).

Противъ вѣры въ божественное карательное управленіе повидному гораздо рѣшительнѣе уже, чѣмъ эта неправомѣрность въ распредѣленіи чувственныхъ благъ и страданій, говоритъ тотъ фактъ, что праведники не иногда только, но безусловно всегда страдаютъ въ семъ мірѣ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе борются за правду и добро и притомъ страдаютъ не физическими, но чисто-нравственными страданіями, вытекающими изъ чувства нравственной дисгармоніи міра. Причину этихъ страданій понять не трудно. Личная добродѣтель, конечно, сама по себѣ есть осуществленіе идеи блага, но осуществленіе, имѣющее мѣсто только въ личности субъекта, а между тѣмъ идея блага, какъ абсолютная, должна получить и осуществленіе абсолютное, то есть не въ субъектѣ только, или въ определенной суммѣ ихъ, но въ цѣлой объективности—во всей природѣ человѣчества: все человечество должно стать однимъ нравственнымъ организмомъ, всецѣло проникнутымъ принципомъ добра, притомъ такъ, что и самый виѣшній міръ долженъ стать удобнѣйшимъ орудіемъ этого внутренняго принципа, а не быть помѣхою ему. Поэтому-же въ дѣйствительности этого нѣтъ, то чѣмъ глубже и дѣйствительнѣе въ томъ или другомъ глубоко-нравственномъ субъектѣ идея добра или блага, тѣмъ больше и глубже чувствуетъ онъ въ себѣ дисгармонію дѣйствительнаго міра съ этой идеей и, значить, тѣмъ сильнѣе страдаетъ, потому что если нравственное блаженство есть въ сущности чувство гармоніи собственной жизни съ жизнью общою, или

сознаніе безпретятствениаго осуществленія своей доброй воли въ объективности внѣшняго бытія, т. е. въ природѣ и человечествѣ, то понятно, что съ самою глубокою и самою полною нравственностію меньше всего можетъ соединяться полное невозмутимое блаженство, потому что такая нравственность глубже всякой другой будетъ чувствовать дисгармонію свою съ внѣшнимъ міромъ, какъ знаемъ, не обладающимъ полнымъ добромъ и даже претятствующимъ добру. Правда, что нравственное дѣло человека не въ чемъ иномъ и состоятъ, какъ въ томъ, чтобъ жертвовать собою для разрѣшенія всегда существующей дисгармоніи между внутреннимъ и внѣшнимъ, субъектомъ и объектомъ, и что на сколько человекъ дѣлаетъ это или на сколько онъ нравственно-дѣятеленъ, на столько онъ чувствуетъ и благо, сладость осуществляемой имъ гармоніи, на столько т. е. онъ блаженъ; но если это такъ, то несомнѣнно, что вмѣстѣ съ тѣмъ по крайней мѣрѣ въ такой же степени онъ чувствуетъ и горечь отъ неосуществившейся еще гармоніи вовнѣ—въ друтихъ: герой правды и добра, конечно, блаженъ отъ чувства достигнутой внутренней гармоніи, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ еще больше чувствуетъ скорбь и боль отъ сознанія живучести внѣшняго зла, которое на всякомъ шагѣ противодѣйствуетъ его чистымъ и высокимъ намѣреніямъ и причиняетъ ему тѣмъ больше страданій, чѣмъ больше онъ борется съ нимъ и старается одолѣть его; жизнь всѣхъ великихъ историческихъ героев запечатлѣна, поэтому, какъ извѣстно, не столько печатно веселой радости, сколько печальной тѣнью. Все это—такъ; только, что же именно говоритъ этотъ фактъ,—то ли, что эти герои совсѣмъ не вѣрили въ моральное міроуправленіе и думали, что оно не только не осуществляется на землѣ, но и никогда и нигдѣ не можетъ осуществиться? Но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ могло бы имѣть то усовершеніе въ добрѣ, каждый

шагъ котораго равно бесконечно удаленъ отъ своей цѣли, и насколько не приближается къ ней, такъ какъ она недостижима и та борьба съ зломъ, которая начинается и ведется съ сознаниемъ совершенной ея безуспѣшности? Значитъ, совѣтъ напротивъ, если что можетъ дать этихъ героямъ рѣшимость начать трудный нравственный подвигъ, то это именно твердое убѣжденіе въ дѣйствительности объективнаго моральнаго порядка, и если что поддерживаетъ ихъ въ трудной нравственной борьбѣ, то это именно только вѣра въ необходимую силу добра и надежда на его совершенную побѣду надъ зломъ и господство въ мірѣ, побѣду и господство, которыя рано или поздно, но непремѣнно должны наступить — наступить если не въ настоящей временной, то въ будущей вѣчной жизни. Такимъ образомъ, страданія, дѣйствительно соединяющіеся съ нравственнымъ подвигомъ и совершенствомъ, совѣтъ не о томъ говорить, что нѣтъ вовсе моральнаго міроуправленія, но о томъ, что это міроуправленіе не вполне открывается въ настоящей жизни по причинѣ несовершенства самихъ людей, вполне же осуществится и откроется только за предѣлами настоящей земной — въ будущей, вѣчной жизни. Будучи основою и движущею силою нравственности, надежда безсмертія и вѣчной жизни есть вмѣстѣ вѣра всякой религіи и необходимый постулатъ всякой здоровой философіи. Въ этомъ постулатѣ, въ этой вѣрѣ и надеждѣ получаютъ послѣднее и самое легкое разрѣшеніе и все тѣ недоумѣнія относительно божественнаго моральнаго міроуправленія, которыя возникаютъ изъ наблюденія разныхъ диссонансовъ въ настоящемъ порядкѣ вещей, только идущемъ къ своей послѣдней цѣли, но еще вѣроятно бесконечно далеко отъ нея. Но достиженіи этой цѣли, т. е. въ будущей вѣчной жизни осуществится, конечно, и то, лишь не вполне осуществляющееся ныне требованіе, чтобы съ всякимъ нравственнымъ дѣломъ соединялось вполне соотвѣтственное воз-

междѣ. Требованіе это есть одно изъ основныхъ требованій нашего нравственнаго или практическаго разума. Но если, какъ мы выше показали, оно осуществимо только подъ условіемъ совершенной извѣстности, — полной наготы дѣлъ чело-вѣческихъ и безусловно всевѣдущаго Судьи, при безусловномъ законѣ и среди людей, стоящихъ внѣ условій временности и измѣнчивости, то не говоритъ ли оно уже само по себѣ, что рано или поздно, но непремѣнно достигнеть своего абсолютнаго завершенія? И, такъ какъ ничего вполне отрѣшеннаго отъ временныхъ условій никогда и никакимъ образомъ не можетъ быть среди самыхъ этихъ условій, то отсюда прямо слѣдуетъ, что абсолютное божественное міроуправленіе наступитъ только въ вѣчности, и что въ вѣчности же осуществятся и всѣ наши нравственныя требованія и стремленія. Значитъ, и послѣднее воздаяніе не нынѣ, а въ вѣчной будущей жизни, и затѣмъ всѣ сомнѣнія, возникающія по поводу фактовъ не правомѣрнаго возмездія въ жизни настоящей, падаютъ сами собою. А потому, если мы видимъ беззаконника, пресыщеннаго благами земли, то это насъ несколько соблазнять не можетъ, когда мы знаемъ, что онъ *собираетъ себѣ тѣла въ день мѣста и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2, 5); точно также не могутъ соблазнять насъ и многія скорби праведныхъ, когда мы знаемъ, что эти скорби временны, и что въ будущей вѣчной жизни *прочтятся праведники яко солнце въ царствіи Отца ихъ* (Мат. 13, 43), — не должны этимъ соблазняться, и вмѣсто того положить огражденіе своей пытливости и *прежде времени ничтоже судити, доидеже приидеть Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тѣмъ и объявитъ сокрытыя сердца* (1 Кор. 4, 5).

Итакъ, и начинали мы свою теодицею вѣрою, и оканчиваемъ ее вѣрою, потому что, какъ справедливо замѣтилъ Кантъ, чисто раціональная и чисто научная теодицея не возможна по самой сущности дѣла, болѣе же всего по ограниченности нашего познанія. Но зато, мы думаемъ, что точно также не возможна чисто раціональная антитеодицея, чисто-научное отрицаніе той вѣры, за непреложную истину которой мы стояли. Въ срединѣ нашего изслѣдованія лежитъ цѣлая бездна сомнѣній въ этой истинѣ—сомнѣній спекулятивнаго, сомнѣній научнаго, сомнѣній практическаго разума, но они, какъ мы видѣли, вездѣ вытекаютъ или изъ явной несплѣдовательности самому себѣ или просто изъ ограниченности нашего познающаго разума, и потому ничего не говорятъ противъ истины того, въ чемъ этотъ разумъ сомнѣвается. Въ себѣ мы совершенно побѣдили эти сомнѣнія, но если вообще мы по крайней мѣрѣ значительно ослабили ихъ, то и этого довольно для нашихъ посильныхъ размышленій о предметѣ, котораго не можетъ объять всецѣло нашъ ограниченный разумъ. «Иди же, скажемъ словами Лессинга, иди своимъ незамѣтнымъ шагомъ вѣчное Провидѣніе, только не дай намъ отчаяваться въ тебѣ ради этой незамѣтности. Сомнѣваться въ Тебѣ,—о милосердый Боже! не дай намъ мыслить такое богохульство. Не дай намъ отчаяваться въ тебѣ, еслибы даже иногда намъ показалось, что Твои шаги идутъ назадъ. «Въ Тебѣ, скажемъ словами Фихте, въ Тебѣ непостижимый! становится намъ понятнымъ наше собственное существованіе и существованіе міра, разрѣшаются всѣ проблемы бытія и устанавливается найсовершеннѣйшая гармонія. Въ благоговѣніи предъ Тобою мы закрываемъ наше лице и замыкаемъ наши уста».

Г. М—ій.